

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2016

БЕН-ГУР

ЛЬЮИС УОЛЛИС

Главная кинопремьера 2016

Льюис Уоллес

Бен-Гур

«Алгоритм»

1880

УДК 821.111-311.6(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уоллес Л.

Бен-Гур / Л. Уоллес — «Алгоритм», 1880 — (Главная
кинопремьера 2016)

ISBN 978-5-906861-86-3

Самый страшный враг человека – это человек. (Льюис Уоллес. «Бен-Гур»)
Отрицать достоинство в побежденном враге значит умалять достоинство
нашей победы. (Льюис Уоллес. «Бен-Гур») «Бен-Гур» – наверное, самый
знаменитый исторический роман за последние сто лет. Автор настолько
красочно преобразил библейский сюжет, что книгу в большей степени можно
назвать приключенческой, чем исторической. Именно за эту яркость и
кинематографичность творение Уоллиса так любят все режиссеры мира.
Действие романа происходит во времена зарождения Христианства. Римская
империя расширяет свои владения. Иудея покорена. Два друга детства,
еврей Иуда Бен-Гур и римлянин Мессала, встречаются после долгой
разлуки и понимают, что дружба уже невозможна. Иуда сочувствует борьбе
своего народа за освобождение, а Мессала требует, чтобы тот предал своих
соотечественников. Бен-Гура ссылают на галеры, его мать и сестру заточают
в тюрьме. Однако долгие годы испытаний не только не сгибают Иуду, но и
дают ему силы вернуться на Землю обетованную, где у него начнется новая
жизнь, в которой его ждут богатство, власть, встречи с Христом и, конечно,
невероятные приключения.

УДК 821.111-311.6(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-906861-86-3

© Уоллес Л., 1880

© Алгоритм, 1880

Содержание

Часть 1[1]. В пустыне	7
Встреча	10
Откровение афинянина	13
Исповедь индуса	15
Рассказ египтянина	18
Великое торжище	23
Картина Священного города	25
Путники из Назарета	28
В канне близ Вифлеема	31
Падающая звезда	36
Великая ночь	37
Три волхва	40
Собрание синедриона[2]	42
Поклонение волхвов	47
Часть 2. Иудея и Рим	49
Друзья детства	51
Дом Гуров	57
Мать и сын	60
Новый гимн Израилю	64
Да здравствует Марс!	68
Сцена у колодца	74
Часть 3. Квинт Аррий	76
На галере	80
Номер шестидесятый	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Льюис Уоллес Бен-Гур

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Часть 1¹. В пустыне

Горный хребет, простирающийся в длину не менее чем на пять-десять миль, настолько узок, что причудливыми очертаниями своей вершины напоминает гусеницу, как бы ползущую с юга на север. Стоя на его скалах лицом к восходу солнца, видишь перед собой только голую Аравийскую пустыню, в которой беспрепятственно господствуют восточные ветры, столь ненавистные иерихонским виноградарям. Подошва Джебеля со стороны протекающего в том же направлении Евфрата плотно покрыта наносным песком, а сам хребет служит защитой для пастбищ Моавии и Аммона, раскинувшихся к западу и некогда представлявших собой пустыню.

Каждому местечку на юге и востоке Иудеи арабы дали имя. Старый Джебель на их языке означает родоначальника бесчисленных канав, во всех направлениях пересекающих покрытую густым слоем пыли римскую дорогу, по которой паломники и теперь направляются в Мекку и обратно. Глубокие канавы во время дождей становятся руслами потоков, стремящихся в Иордан или, вернее, в главноеместилище вод этой страны – Мертвое море.

В одной из таких вымоин, в дальнейшем становящейся руслом небольшой реки Иавок, показался путешественник Конечно, внимание читателя остановится прежде всего на нем.

По наружности ему, пожалуй, можно было дать сорок пять лет. Спускавшаяся на грудь широкая борода, некогда совершенно черная, теперь была с проседью. Лицо, напоминавшее поджаренное кофейное зерно, почти совсем скрывалось под красной кёфией (арабский традиционный головной убор). По временам путник устремлял свой взор в пространство, и тогда можно было заметить, что глаза у него черные и большие. Одежду его составляло обычное на Востоке широкое платье. Миниатюрная палатка умещалась на спине огромного белого верблюда, на котором он ехал.

Едва ли уроженец Запада когда-нибудь будет в состоянии привыкнуть к тому впечатлению, которое овладевает им при первом взгляде на верблюда в полной упряжи, навьюченного и готового начать свое путешествие по пустыне. Сколько бы путешествий с караванами не пришлось совершить европейцу, сколько бы времени среди бедуинов он не провел, всегда и повсюду он невольно остановится перед верблюдом и уступит ему дорогу. Его очаровывает вовсе не величественная фигура животного и даже не его движения – неслышная поступь и широкие раскачивания взад и вперед. Сама пустыня оказывает своему детищу такую же любезность, какую море оказывает кораблю: своей таинственной необъятностью она придает верблуду столь сильное обаяние, что, глядя на него, мы невольно думаем о пустыне. В этом и заключается чудо.

Верблюд, показавшийся из канавки, по праву мог требовать почестей: его масть и рост, мускулистое туловище, длинная, легкая, по-лебединому изогнутая шея, голова с широким лбом, настолько сужающаяся книзу, что ее мог бы, пожалуй, обхватить женский браслет, его медленный и эластичный шаг, уверенная и беззвучная поступь – все изобличало в нем сирийскую кровь, столь же древнюю, как мир, и по цене не имеющую себе равной.

Приспособление, помещавшееся на спине животного, представляло собой изобретение, которое у любого другого народа, кроме восточного, не принесло бы известности изыска-

¹ На русский язык книга Уоллиса была переведена и издана под заглавием «Бэн-Хур. Повесть из первых лет христианства» вскоре после ее выхода в свет в Соединенных Штатах. Переводчик романа скрыл свое имя за инициалами «Ю. Д. З.». Долгое время не удавалось узнать имя того, в чьем переводе вот уже второе столетие выходят произведения художественной литературы. Относительно недавно в журнале «Сестра» появилась статья В. Попова, посвященная переводчику этих романов, – Юлии Денисовне Засецкой, дочери поэта и героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. С момента первого издания в России роман «Бен-Гур» не раз переиздавался, причем, как правило, или в оригинальном переводе Ю. Д. З., или в его обработках.

телю. Оно состояло из двух деревянных ящиков с навесами, внутренность которых, устланная коврами, давала возможность хозяину полулежать в них. Приспособление это прикреплялось к верблюду широкими ремнями и подпругами. Вот каким образом сыны Востока защищали себя от неудобств путешествия по выжженной солнцем пустыне.

Когда дромадер (одногорбый верблюд) выбрался из последнего изгиба канавки, граница древнего Аммона осталась за спиной путешественника. Было утро, поднималось солнце, наполовину скрытое клочковатым туманом. Перед путником расстилалась пустыня, но это еще не было царство сыпучих песков, ожидавшее его дальше. Пока что он проезжал по местности, где растительность только начинала исчезать, где там и сям виднелись бурые и серые камни вперемежку с тощими акациями и клочками травы. Дуб и терновник остались позади: они как будто вышли посмотреть на безводную пустыню и в ужасе окаменели. Стало заметно, что верблюд управляется кем-то невидимым: он то замедляет, то ускоряет свои шаги, голова его протянута по направлению к горизонту, широкими ноздрями он жадно глотает свежий воздух. Палатка покачивается на его спине, поднимаясь и опускаясь, подобно челноку на волнах. Иногда под его ногами шуршит сухая листва, скопившаяся во впадинах, и тогда воздух наполняется специфическим благоуханием. Жаворонки, каменки и скалистые воробьи вспархивают перед ним, и белые куропатки со свистом и клокотаньем торопятся прочь с дороги. Изредка встреченная лисица или гиена тоже поднимается и убегает, чтобы издали посмотреть на нарушителя своего спокойствия. Справа видны высоты Джебеля: жемчужно-серый туман, окутывающий их, постепенно окрашивается в пурпурный цвет. Выше самых высоких вершин парит коршун, распластав широкие крылья и все расширяя и расширяя круги своего полета.

В течение двух часов дромадер все шел вперед, мерно раскачиваясь и держась направления к востоку. За это время путешественник ни разу не переменил своей позы, ни разу не оглянулся по сторонам. Благодаря быстрой езде путника картина местности скоро меняет свой характер: Джебель виднеется уже на западе бледно-голубой лентой. Там и сям возвышаются кучи песка, смешанного с глиной. Кое-где базальты поднимают вверх свои скругленные вершины. Главным же фоном пейзажа становится теперь песок, то мягкий и тонкий, как на морском берегу, то имеющий вид волн, то насыпанный буграми. Вместе с ландшафтом меняется и состояние атмосферы. Высоко поднявшееся солнце, досыта напившись росой и туманом, согревает теперь ветерок, который, забираясь под навес, ласкается к путнику. Всюду, куда только может проникнуть взгляд, солнце окрасило землю в нежный молочно-белый цвет и зажгло все небо.

Верблюд все шел и шел, не уклоняясь от своего направления и не останавливаясь. Растительность совсем исчезла. Песок, настолько спаянный на поверхности, что при каждом шаге с треском рассыпался на мельчайшие частички, повсюду сохранял однообразную волнистую поверхность. Джебель уже скрылся из виду, и вместе с ним исчезла граница пустыни. Тень, падавшая прежде позади, теперь тянулась на север и даже немного забегала вперед. Все еще не было видно никаких признаков привала. Поведение путника становилось все более загадочным. Разумеется, никто не избирает пустыню местом для увеселительных прогулок – деловые люди прокладывают по ней свои тропы. Таковы дороги пустыни – от колодца к колодцу, от пастбища к пастбищу. Сердце шейха бьется сильнее, когда ему случается очутиться одному на безлюдном пути.

Можно думать, что и тот человек, о котором мы сейчас говорим, оказался здесь не в поисках удовольствий. Не похоже и на то, чтобы он убегал от кого-нибудь: ни разу он не оглянулся назад. Люди в одиночестве снисходят до товарищества с низшими существами: собака или лошадь делается другом, и ей расточают ласки и слова любви. На долю нашего верблюда пока не выпало ничего подобного: не только ласки, но даже приветливого слова.

Ровно в полдень, как будто по собственной воле, верблюд остановился, издав особенный жалостный крик, которым верблюды протестуют против излишне навьюченной тяжести, тем самым обращая на себя внимание погонщика, после чего происходит желаемая остановка.

На этот крик хозяин зашевелился, словно он только что проснулся. Откинув навес, он взглянул на солнце и долго внимательно обозревал местность. Удовлетворившись обзором, он глубоко вздохнул и несколько раз наклонил вперед голову, как будто хотел сказать: «Наконец-то, наконец!» Немного спустя он сложил руки на груди, поник головой и начал тихо молиться. Исполнив обряд, он приготовился сойти на землю. Из его гортани вылетел звук, без сомнения, знакомый и любимый еще верблюдами Иова, – тот звук, который служит им приказом опуститься на колени. Немного поворчав, животное повиновалось. Ездок поставил ногу на его гибкую шею и затем спустился на песок.

Встреча

Теперь можно подробно разглядеть фигуру путника. Он был невысокого роста, но мощен. Ослабив шелковый шнурок, поддерживающий кёфию на голове, он легким движением отбросил назад ее бахрому, при этом открылось его строгое, почти черное лицо. Широкий низкий лоб, орлиный нос, несколько приподнятые кверху внешние углы глаз, прямые, густые и жесткие волосы с металлическим отливом, падавшие бесчисленными прядями на его плечи, – все это давало возможность сразу определить его происхождение. Такой наружностью отличались фараоны и последний из Птолемеев, таков был и Мизраим, родоначальник египтян. Путник был одет в белую расширенную до пят рубашку с шитьем, поверх нее был накинут темный шерстяной плащ. На ногах ездока были сандалии из мягкой кожи. Но особенно заслуживало внимания отсутствие всякого оружия: не было даже той крючковой палки, которой обыкновенно понукают верблюдов, несмотря на то что он был одинок в пустыне, служащей приютом для леопардов, львов и людей, не уступающих по своей свирепости хищникам. Это обстоятельство давало возможность судить о мирных целях путешествия египтянина или же о его необыкновенной смелости, если не об особом незримом покровительстве.

От длинного и утомительного путешествия путник во всем теле чувствовал онемение. Он потирал руки, постукивал ного об ногу и ходил вокруг своего верного слуги, который, закрыв светлые глаза, с видимым удовольствием, не торопясь пережевывал свою жвачку. Незнакомец часто останавливался и, защищая глаза рукой, напряженно всматривался в пустыню. При этом лицо его слегка омрачалось, и проницательный читатель может догадаться о причине этого: путник ожидал товарищей, с которыми заранее договорился здесь встретиться.

Как ни казался огорченным путешественник, он, видимо, продолжал верить в прибытие товарищей. Сначала он подошел к носилкам и, вынув из ящика губку и маленький кувшинчик с водой, промыл верблюду глаза, морду и ноздри. Потом оттуда же достал материю, связку палочек и массивную трость. Последняя оказалась довольно остроумным изобретением – она состояла из нескольких маленьких палочек, вложенных одна в другую, которые при соединении образовали один длинный шест выше человеческого роста. Когда шест был воткнут в землю и к нему были прислонены палочки, незнакомец натянул на них материю и очутился у себя дома. Импровизированный дом, по размерам хотя и уступавший жилищу какого-нибудь шейха или эмира, во всех других отношениях был его точной копией. Так же появился четырехугольный кусок кошмы, которым была завешена от солнца дверь палатки. Исполнив это, путник вышел из нее и еще раз особенно тщательно осмотрел окрестности. Вдали равнину перебежал шакал, в небе орел совершал свой полет к Аравийскому заливу – вот и все, что представилось его взору.

Он вернулся к верблюду и тихо произнес: «Мы с тобой далеко от дома, мой быстрый скакун, но с нами Бог: будем терпеливы!» Потом он, наложив из седельной сумки в торбу бобов, привесил ее к морде верблюда. Полюбовавшись наслаждением верного слуги, он отвернулся и снова стал смотреть на пески, успевшие раскалиться под вертикальными лучами солнца.

– Придут, – сказал он спокойно. – Тот, Кто руководил мной, укажет дорогу и им. Пора приготовиться к встрече.

Из ивовой корзинки, составлявшей часть багажа, путник вынул принадлежности для еды: блюда, сотканые из пальмовых жилок, вино в маленьких кожаных кувшинах, вяленую и копченую баранину, бескостные сирийские гранаты и замечательно вкусные, возросшие в пальмовых рощах Центральной Аравии финики, сыр, подобный Давидовым «молочным ломтикам», и квашеный хлеб – изделие городской пекарни. Все это он принес и поставил на ковер под

сенью палатки. В заключение этих приготовлений он положил возле продуктов три шелковые салфетки, употребляющиеся на Востоке изысканным обществом.

Теперь все было готово. Он вышел наружу. Но что это? На востоке показался темный призрак. Путешественник остановился, словно прикованный к месту, глаза его расширились, мороз пробежал по коже, как при встрече с чем-то сверхъестественным. Призрак приближался и рос, принимая все более определенные очертания. Еще немного, и, уже ясно видимый, по пустыне двигался двойник его верблюда. Тогда египтянин сложил руки на груди и, подняв глаза к небу, воскликнул с благоговением: «Один только Бог велик!»

Незнакомец наконец приблизился и остановился. Увидев верблюда и человека, стоящего у палатки, он сложил руки, склонил голову и произнес про себя молитву, после чего спустился на песок и пошел навстречу египтянину. Одно мгновение они смотрели друг на друга, затем обнялись.

– Мир тебе, служитель истинного Бога! – сказал незнакомец.

– Тебе, мой брат по истинной вере, мир и привет! – страстно ответил ему египтянин.

Пришелец был высокого роста и худощав, со впалыми глазами, с сединой в бороде и волосах и бронзовым цветом кожи. Он также был безоружен. Белоснежный костюм на нем был индостанский: плащ, широкие шаровары, тюрбан, туфли из красной кожи с остроконечными носами. Вид незнакомца был благородный и строгий. Висвамित्रа, величайший из аскетичных героев «Илиады» Востока, имел в нем совершеннейшего представителя. Его можно было назвать жизнью, напоенной мудростью Брахмы, и воплощением благочестия. Одни глаза выдавали его человеческое происхождение.

– Один только Бог велик! – воскликнул он, когда они разомкнули руки. На лице его блеснули слезы.

– И да будут благословенны служители Его! – отвечал египтянин. – Смотри, – прибавил он, – вон и другой едет.

Они посмотрели на север, где уже вполне можно было различить третьего верблюда. Вместе они ожидали, пока подъедет новый пришелец, слезет с верблюда и направится к ним навстречу.

Последний из прибывших совсем не походил на своих друзей: стан его был тоньше, волнистые светлые волосы украшали небольшую, но красиво очерченную голову и светлое лицо. Теплота, светившаяся в его темно-синих глазах, указывала на тонкий ум и сердечность натуры. Под грациозными складками тирского плаща виднелась туника с короткими рукавами. Она едва достигала колен, оставляя шею, руки и ноги обнаженными. Пятьдесят, а может быть и более, лет пронесли над его головой, не оставив на нем никакого следа – физически организм и чистота души остались неприкосновенными. Нет нужды говорить читателю о его происхождении – если не сам путник, то его предки вышли из тенистых афинских рощ.

После трогательных приветствий египтянин произнес дрожащим голосом:

– Дух привел меня сюда первым, поэтому я считаю себя избранным быть слугой моих братьев. Палатка разбита, и хлеб для преломления готов. Дозвольте же мне исполнить свой долг.

Взяв каждого из них за руку, он повел их в палатку, вымыл им ноги, полил воды на руки и отер их полотном. Затем, вымыв свои руки, он сказал:

– Позаботимся о себе, братья, как этого требует наше служение. Подкрепимся едой, дабы исполнить то, что нам предстоит в остаток дня. Во время еды мы познакомимся друг с другом: узнаем, откуда каждый из нас пришел, кто он и как его зовут.

Египтянин повел их за стол и усадил друг против друга. Одновременно все трое нагнули головы, скрестили руки на груди и вслух произнесли простую молитву: «Господи, Отче всех! Все, что лежит пред нами, все принадлежит Тебе: прими наши благодарения и благослови нас, дабы мы могли продолжать творить волю Твою».

При последних словах они подняли глаза и с удивлением посмотрели друг на друга: каждый из них говорил на языке, которого никто из остальных ни разу не слышал, и тем не менее все они вполне понимали, что произносит каждый из них. Души их охватило волнение: по чуду они судили о присутствии Божьем.

Откровение афинянина

Говоря в духе того времени, я должен упомянуть, что только что описанная встреча произошла в 747 году по римскому летосчислению. Был декабрь, и во всех странах, лежащих к западу от Средиземного моря, царил зима. Путешествующие по пустыне в это время года не могут совершить долгого перехода без того, чтобы не почувствовать сильнейшего голода, и компания, собравшаяся в маленькой палатке, не составляла исключения – все проголодались и ели с удовольствием. После вина они разговорились.

– Ничего нет приятнее для путника, как слышать на чужбине свое имя, произнесенное другом, – сказал египтянин, старший за столом. – Нам предстоит много дней провести вместе. Необходимо познакомиться. Я предлагаю уступить первое слово тому, кто прибыл последним.

Тогда начал говорить грек, сначала медленно, как будто обдумывая каждое свое слово:

– То, что мне нужно сказать вам, братья, так необычно, что я колеблюсь, с чего начать. Сам я еще не вполне хорошо себя понимаю, но более всего уверен в том, что исполняю волю Творца, и служение это для меня равносильно счастью. Размышляя о деле, ради которого я в пути, я испытываю невыразимое ликование, ибо послан волей Божьей.

Он умолк, не будучи в состоянии продолжать, остальные же, разделяя его волнение, потупили взоры, до сих пор пристально устремленные на говорящего.

– Далеко отсюда, на западе, – возобновил он свою речь, – есть страна, память о которой никогда не будет предана забвению хотя бы потому, что весь мир находится у нее в неоплатном долгу, так как ничем нельзя отплатить за то, что доставляет нам высшее духовное наслаждение. Через ее литературу весь мир познал Того, Кого мы ищем и провозглашаем. Земля, о которой я говорю, – Греция. Меня зовут Гаспаром, я сын Клифа, афинянина.

Мои соотечественники всецело предавались наукам, и я наследую ту же страсть. Случилось так, что двое наших философов, величайших среди других, учили: один – о душе, о том, что она есть у каждого человека и что она бессмертна, другой – о едином истинном Боге. Из множества тем, на которые дискутировали между собой школы, я остановился на этих двух вопросах как на единственно достойных труда, затрачиваемого на их разрешение, ибо думаю, что между Богом и душой существует отношение, которое пока неизвестно людям. Ум может строить всевозможные заключения до тех пор, пока не встретит глухой стены. Перед ней ему придется остановиться и воззвать о помощи. И я взывал о помощи, но никто не ответил мне. В отчаянии я порвал с городами и со школами.

При этих словах изнуренное лицо индуса осветилось улыбкой одобрения.

– В северной части моей родины, в Фессалии, – продолжал свой рассказ грек, – есть гора Олимп, известная как место пребывания богов, где живет Зевс, почитаемый моими соотечественниками за наивысшего среди них. Я удалился туда и там на одном из ее холмов нашел пещеру. В ней я устроил себе жилище и жил, предаваясь размышлениям – нет, скорее не размышлениям, – я отдался всем своим существом страстному ожиданию того, о чем молит всякая живая душа, – ожиданию откровения. Веруя во всевышнего Бога, я не сомневался в том, что Он, видя страстные искания моей души, сжалится надо мной и ответит мне.

– И Он ответил! – воскликнул индус, приподняв свои руки с шелковой материи, лежавшей на складках его платья.

– Слушайте, братья мои, – продолжал грек, не без труда подавив в себе волнение. – Дверь моего пустынного жилища вела к Фермейскому заливу. Однажды я увидел человека, выброшенного с шедшего мимо корабля. Он подплыл к берегу. Приняв его у себя, я позаботился о нем. Он оказался иудеем, сведущим в истории и законах своей страны. От него-то я и узнал, что Бог, Которого я искал, существует, Он их законодатель, руководитель и царь. Разве мог я

не признать в этом откровения, которого так жаждала моя душа? Вера моя не была бесплодна: Бог ответил мне!

– Как Он отвечает всем, кто с верой приходит к Нему, – сказал индус.

– Но, увы, – прибавил египтянин, – как мало тех, кто в состоянии понять, когда Он им отвечает!

– Посланный ко мне человек, – продолжал грек, – сказал мне больше. Он сказал мне, что есть предсказания о Его пришествии на землю. Он сообщил имена пророков и привел их собственные слова из священных книг. Он сказал также, что это пришествие близко и в Иерусалиме его ожидают с часу на час.

Грек остановился, и оживленное лицо его затуманилось. После короткой паузы он заговорил вновь:

– Правда, человек этот сказал мне, что Бог и Его откровения существуют только для евреев и что это и впредь будет так: «Тот, Кто должен прийти, придет затем, чтобы стать Царем иудеев». – «Неужели у Него нет ничего для остального мира?» – спросил я. – «Ничего нет: мы – Его избранный народ!» – ответил он мне с гордостью. Ответ не поколебал моей веры. Зачем Богу ограничивать свою любовь и милосердие одной страной и одним народом? Я посвятил себя размышлениям, и мне удалось пробиться сквозь гордыню: я убедился, что народ иудейский избран служить хранителем веры в живую истину, дабы мир мог узнать ее и ею спастись. Очистив душу новыми молитвами, я просил у Царя Небесного милости узреть Его, когда Он сойдет на землю, и послужить Ему.

Однажды ночью я сидел у входа в свою пещеру, снова и снова пытаюсь проникнуть в тайну своего существования, стремясь познать то, что может знать только один Бог. Вдруг я увидел над морем, или, лучше сказать, в той темноте, которая показывала место моря, забрезжившую звезду. Она медленно поднималась, постепенно приближаясь ко мне, и остановилась над входом в мою пещеру, так что весь свет от нее падал на мое лицо. Я пал ниц, заснул и во сне слышал голос, говорящий мне: «Гаспар, вера твоя победила. Да будет над тобой благословение. С двумя другими, идущими с противоположных концов земли, ты узришь обещанного и будешь свидетельствовать о Нем. Встань и иди им навстречу: веруй в Духа, Который будет руководить тобой». Наутро я проснулся, и Дух, освещавший мое сознание, пребывал во мне. Я расстался с пустынноческими одеждами. Мимо проходил корабль, меня приняли на борт и высадили в Антиохии, где я купил верблюда и упряжь. Садами и пальмовыми рощами, оживляющими пески Оронта, я шел на Эмезу, Дамаск и Бостру, на Филадельфию и, наконец, прибыл сюда. Вот, братья, моя история. Теперь позвольте мне выслушать вас.

Исповедь индуса

Египтянин и индус взглянули друг на друга, и первый жестом пригласил второго начать свою исповедь. Поклонившись, тот сказал:

– Брат наш говорил хорошо. Не знаю, буду ли я в силах говорить так же мудро.

Индус приостановился, немного подумал и затем продолжал:

– Братья мои, зовите меня Мельхиором. Я обращаюсь к вам если не на древнейшем, то во всяком случае на первом письменном языке – на санскрите. По рождению я индус. Мой народ первым возделывал поле знания, первым засеивал его и первым его украсил. Каковы бы ни были грядущие судьбы человечества, священные писания – Веды – не могут погибнуть, ибо они первоисточники религии и полезного знания. Таковы и великие Шастры и Пураны. Братья мои! Не из тщеславия, как вы легко поймете, скажу я вам, что Шастры учат о всевышнем Боге, именуемом Брахмой, а Пураны говорят нам о добродетели, добрых делах и душе. Для меня эти писания теперь не существуют, но в глазах человечества они навсегда останутся памятником гения моего народа. Они служили залогом быстрого прогресса, но вы спросите меня, почему его век не наступил. Увы! Эти книги сами преградили доступ к усовершенствованиям. Под предлогом того, что Творец озабочен всем, они установили тот роковой принцип, что человек не должен стремиться ни к открытиям, ни к изобретениям, ибо Небо уже снабдило его всем необходимым. Раз подобное положение сделалось священным законом, светильник индусского гения упал в колодезь, где с тех пор освещает лишь его узкие стены и горькие воды.

Говорящий почтительно поклонился греку и продолжал:

– Если, мой брат, позволишь, я скажу, что две великие идеи – о Боге и о душе – целые века поглощали все силы индусского народа, прежде чем твои соотечественники ознакомились с ними. Да будет мне позволено сказать, что, по учению упомянутых мной священных книг, Брахма рассматривается как тройственное божество – само верховное божество Брахма, а также Вишну и Шива. По преданию, Брахма считается родоначальником нашего племени, которое он разделил на четыре касты. Прежде он населил подземный мир и небо, затем сделал землю удобной для пребывания на ней земных духов. Тогда из его уст вышла каста брахманов, подобных ему по возвышенности и благородству, единственная из всех каст, допущенная к изучению Вед, которые одновременно с ней слетели с его уст. Затем из рук его произошли кшатрии, или воины; из его груди, вместилища жизни, произошли вайшьи – пастухи, землевладельцы, торговцы; из его ног, в знак низшего происхождения, вышли шудры, или рабы, принужденные работать на людей остальных каст, – служители, домашняя прислуга, земледельцы, ремесленники. Заметьте, что закон, родившийся одновременно с кастами, запрещал переход из одной касты в другую. Перебежчик становился вне каст, отщепенцем, чуждым людям любой касты, и мог пребывать в сообществе только таких же отщепенцев, как и он сам.

При этих словах грек живо представил себе последствия, вытекающие из учения о кастовом разделении, и невольно воскликнул:

– Но ведь при таком неравенстве, братья, как велика должна быть потребность в любящем Боге!

– Да, – согласился египтянин, – в любящем Боге, подобно нашему.

Индус нахмурился. Когда волнение его улеглось, он продолжал более мягким голосом:

– Я родился брахманом. Вследствие этого вся моя жизнь должна протекать согласно заранее составленным предписаниям. Я не могу жить, не боясь нарушить раз и навсегда определенных правил. И карается, о братья, карается душа моя! Согласно прожитой жизни она должна идти на одно из небес – небо Индры, низшее, или небо Брахмы, высшее, или же быть изгнанной обратно на землю, дабы вселиться в червя, муху, рыбу или животного. Награда за

соблюдение всех правил – блаженство или полное слияние с существом Брахмы, которое не есть бытие в обыкновенном смысле этого слова, но не есть и абсолютное небытие.

Индус немного подумал и затем продолжал:

– Часть жизни, посвящаемая брахманом приобретению знаний, называется первой степенью. Когда я мог перейти во вторую степень, то есть жениться и стать домохозяином, я уже сомневался во всем, даже в самом Брахме, – я был еретиком. Из глубины колодца я заметил мерцание света и рвался душой посмотреть, откуда исходит этот свет. Наконец-то, после стольких лет труда, я узрел божественный свет, познал, что главное начало жизни, элемент всякой религии, звено, соединяющее душу с Богом, есть любовь!

Изнуренное лицо говорящего оживилось, и он сильно стиснул руки. Последовало молчание. Товарищи смотрели на него, и на глазах грека появились слезы. Наконец Мельхиор возобновил рассказ:

– Только деятельная любовь дает счастье, вся прелесть ее – в служении другим. Познав эту истину, я уже не мог оставаться брахманом. Брахма наполнил мир несправедливостью: шудры взывали ко мне, равно как и бесчисленное множество жертв. Остров Лахор лежит при впадении священных вод Ганга в Индийский океан. Я удалился туда. Здесь, под сенью храма, воздвигнутого в честь мудрого Капилы, соединяя свои молитвы с молитвами, возносимыми его учениками, которых память о святом человеке привлекала к храму, я думал найти успокоение. Два раза в год сюда направлялись индусы-паломники с целью омовения в водах Ганга. Любовь моя к людям росла при виде их бедности и заставляла меня говорить, но я делал невероятные усилия над собой и молчал, ибо одно слово против Брахмы было бы роковым для меня приговором: малейшего знака доброжелательства к отщепенцам брахманской касты, которых мне нередко приходилось видеть, бредущих умирать, быть может, где-нибудь в пустыне на раскаленном песке, посланного им благословения, поднесенной кружки воды было бы вполне достаточно, чтобы стать таким же отщепенцем, чуждым семье, родине, лишенным всяких прав. Любовь победила! Я начал говорить в храме. Сначала я говорил ученикам – они выгнали меня из храма. Я говорил паломникам – они прогнали меня с острова. Я пробовал проповедовать на больших дорогах – слушатели разбегались, иные покушались на мою жизнь. Во всей Индии не было уголка, где я мог бы найти спокойствие и безопасность! Я не мог найти убежища даже среди отщепенцев, ибо, отринутые обществом, они все-таки оставались приверженцами Брахмы. Я искал уединения, чтобы укрыться со своим горем от всех, кроме Бога. Я прошел весь Ганг вплоть до его истоков, в глубь Гималаев. Достигнув Гурдварского перевала, я молился за мой народ, думая, что наконец нашел искомое уединение. Пробираясь по ущельям, переправляясь через ледники, покоряя хребты, которые, казалось, своими вершинами касались звезд, я добрался до озера чудной красоты, дремлющего у подножия трех гигантов с их вечно блестящими снежными коронами. Там, в центре земли, у истоков Инда, Ганга и Брахмапутры, там, у колыбели человеческого рода, откуда он рассеялся по всему миру, оставив памятником места, покинутого им, мать всех городов – Балх, там, где природа в своем первобытном величии влечет к себе мудрецов и изгнанников, обещая уединение одним и безопасность другим, – там я укрывался и начал жить наедине с Богом, молясь, постясь и ожидая смерти.

Его голос стал тише, и костлявые руки снова болезненно сжались.

– Однажды ночью я прогуливался по берегу озера, взывая к безмолвной тишине: «Когда же придешь Ты, о Боже? Когда, наконец, призовешь Своего раба? Неужели же нет искупления?» Внезапно над водой забрезжил свет. Скоро ясно обрисовалась звезда – она двигалась ко мне и остановилась у меня над головой. Я был поражен ее необычайной яркостью. Пав на землю, я услышал голос, говоривший мне: «Твоя любовь победила. Да будет благословение над тобой, сын Индии! Искупление близко. С двумя другими мудрецами, которые придут из отдаленных концов земли, ты узришь Искупителя и будешь свидетелем Его пришествия. Встань поутру и иди им навстречу, возложив свою веру на Духа: Он будет твоим советчиком». С того

времени свет не покидал меня, в нем я видел проявление невидимого Духа. Утром я вернулся в мир, покинутый мной. По дороге в расщелине горы я нашел ценный камень и продал его в Гурдваре. Через Лахор, Кабул и Иезд я прибыл в Исфагань. Там я купил верблюда и оттуда, не дожидаясь караванов, был доставлен в Багдад. Я путешествовал один, не испытывая ни малейших опасений, ибо со мной был Дух Святой. Со мной Он и теперь. Какой чести удостоились мы, братья! Мы идем узреть Искупителя, говорить с Ним и служить Ему!

Рассказ египтянина

Грек выразил живейшую радость, приветствуя рассказчика, после чего египтянин со свойственной его народу важностью произнес:

– Приветствую тебя, брат мой! Ты много страдал, и я радуюсь твоему торжеству. Если вы оба окажете мне честь и выслушаете меня, я расскажу вам, кто я и каким образом был призван свыше. Подождите немного.

Он вышел посмотреть на верблюдов и, возвратившись, занял свое место.

– Ваши слова, братья мои, – начал он в виде предисловия, – были от Духа, и Он позволил мне проникнуть в их смысл. Каждый из вас говорил о своей родине. В этом я вижу великий смысл, который и постараюсь прояснить, но предварительно позвольте мне сказать несколько слов о себе и своем народе. Я Валтасар, египтянин.

Последние слова он произнес спокойно, но с таким достоинством, что оба слушателя поклонились ему.

– Мой народ отличается от других многими особенностями, но я укажу вам только одну. История начинается с нас. Мы первые начали записывать события в их последовательности. Таким образом, у нас не существует преданий, и вместо вымысла мы предлагаем то, что достоверно. На фасадах храмов и дворцов, на обелисках и внутренних стенах гробниц мы записали имена и деяния наших царей. Нежному папирусу мы вверили мудрость наших философов и тайны нашей религии, за исключением, впрочем, одной, о которой я скажу здесь. Древнее Вед, Мельхиор, древнее песен Гомера и метафизики Платона, мой Гаспар, древнее китайских царей и Сиддхаарты, сына прекрасной Майи, старее Моисеева Исхода, древнее всех человеческих записей – запись о Менесе, нашем первом царе.

Помолчав немного, он с нежностью остановил свои большие глаза на греке и сказал:

– Скажи мне, Гаспар, кто были учителями учителей Эллады во дни ее юности?

Грек улыбнулся и поклонился ему.

– Благодаря этим записям, – продолжал Валтасар, – мы узнали, что наши отцы пришли с Востока, от истоков трех священных рек, из древнего Ирана, о котором говорил здесь Мельхиор. Оттуда они несли нам историю мира до потопа и описание самого потопа, сохраненное для арийцев сыновьями Ноя. Они учили о Боге как Создателе и Причине всех причин и о бессмертии души. Если нам удастся благополучно довести до конца то дело, которое мы призваны исполнить, я приглашу вас к себе и покажу вам священное книгохранилище наших жрецов. Я обращаю ваше внимание на Книгу мертвых, из которой можно узнать о тех странствиях, которые по смерти тела предстоит совершать душе до Судного дня. Идеи Бога и бессмертной души родились у Мизраима еще до его странствования по пустыне и занесены им на берега Нила. Тогда эти идеи пребывали в первобытной чистоте: они были легко доступны пониманию, как и все, что Бог приготовил для нашего счастья. Таково же было и первое богослужение – пение и молитва, столь естественное для души радостной, надеющейся и живущей в согласии со своим Создателем.

При этих словах грек воздел руки, воскликнув:

– Свет становится все сильнее и сильнее!

– И во мне! – с воодушевлением воскликнул индус.

Египтянин кротко взглянул на них и затем продолжал:

– Религия есть не что иное, как закон, связующий человека с его Создателем. Она заключает в себе следующие начала: Бога, душу и связь между ними. Такова, братья мои, была изначальная религия человечества и нашего родоначальника Мизраима. Она выражала сущность веры и богослужения так: совершенство – это Бог, простота – это совершенство. Страшное проклятие заключается в том, что люди не довольствуются такими простыми истинами.

Валтасар остановился, как бы обдумывая то, что ему следовало говорить далее.

– Многим народам, – продолжил он, – нравились тихие воды Нила: эфиоплянам, палипутрам, евреям, ассириянам, персам, македонянам, римлянам. Все народы, кроме евреев, в разные времена господствовали над ними. Эта постоянная смена народов извратила старую веру Мизраима. Долина пальм превратилась в долину богов. Единое Высшее существо было разделено на восемь, олицетворявших какое-нибудь начало природы, с Аммоном-Ра во главе. Тогда-то были придуманы Изида и Озирис с их приспешниками, олицетворявшими воду, огонь, воздух и другие силы природы. Число богов увеличилось еще более после того, как люди натолкнулись на свойства своей собственной природы: на силу, знание, любовь и тому подобное.

– Старое безумие проявилось во всем этом! – невольно воскликнул грек. – Только недоступное человеку остается неизменным.

Египтянин продолжал:

– Я останавлиюсь на этом предмете еще немного, братья мои, и затем перейду к себе. То, что нам предстоит впереди, есть самое святое дело, когда-либо совершавшееся. Записи говорят нам, что во времена Мизраима Нил находился во владении эфиоплян – рассеявшегося по всей африканской пустыне народа, одаренного богатой и сильной фантазией и обожествляющего природу. Поэтичные персы боготворили солнце, олицетворявшее их бога Ормузда. Набожные дети далекого Востока делали себе богов из дерева и слоновой кости. Только эфиопляне, не обладая искусством письма и не владея ни одним из механических искусств, изливали свою потребность обожания на животных, птиц и насекомых: у них кошка посвящена была Ра, бык – Изиде, жук – Птаху. Долгая борьба с их грубой верой завершилась принятием ее за основную религию нового государства. Тогда-то были воздвигнуты те великие памятники, которые громоздятся и теперь на берегах Нила и в пустыне: обелиски, лабиринты, пирамиды и гробницы царей вперемежку с гробницами крокодилов. Вот до какого унижения, братья мои, дошли сыны Ария!

Спокойствие впервые покинуло египтянина: лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, но голос изобличал волнение.

– Не слишком презирайте моих соотечественников, – сказал он. – Они не совсем забыли Бога. Я уже говорил, что мы верили папирусу все тайны нашей религии, за исключением одной. К ней я и обращусь теперь. Некогда царем у нас был один из фараонов, любивший различные нововведения. Чтобы внедрить в умы новую систему, он стремился совершенно изгнать из них прежнюю. В то время евреи были у нас рабами. Религия их подвергалась гонениям, но когда гонения эти сделались невыносимыми, они были освобождены чудесным способом, который не изгладится из памяти людей. Один из них, по имени Моисей, явился во дворец и именем Бога Израиля просил дозволения его собратьям оставить эту страну. Фараон отказал ему. Слушайте, что последовало затем. Вся вода в озерах и реках, в колодцах и емкостях обратилась в кровь. Монарх упорствовал в отказе. Тогда гады покрыли всю землю. Он оставался непреклонен. Моисей взял горсть пепла и бросил его в воздух – моровая язва поразила египтян. Весь их скот пал жертвой чумы, саранча пожрала всю зелень. В полдень дневной свет превратился в непроницаемый мрак, и даже светильники не могли рассеять его. Наконец, за одну ночь умерли все египетские первенцы, не избежал смерти и первенец фараона. Тогда он уступил. Но только евреи вышли из Египта, фараон с войском начал преследование. Он уже почти настиг их, но перед беглецами расступились морские волны, и те прошли посуху. Когда же преследователи бросились по их следам, волны соединились над их головами и потопили всех – и конницу, и пехоту, и царя. Ты, Гаспар, говорил об откровении...

Синие глаза грека засверкали.

– Эту историю мне рассказывал и мой гость! – воскликнул он. – Ты ее подтверждаешь, Валтасар?

– Да, подтверждаю, но по египетским записям, а не со слов Моисея. Жрецы, современники события, записали то, свидетелями чему они были, и эти записи сохранились. Теперь я дошел до той тайны, которая не была записана. Со времен несчастного фараона на моей родине, братья, всегда были две религии: одна частная, другая всеобщая, одна – признававшая многих богов и исповедуемая народом, другая – признававшая единого Бога и хранимая только жрецами. Радуйтесь со мной, братья! Все унижения, которые пришлось ей вытерпеть от народа, все преследования, которым она подвергалась от царей, – все это оказалось бессильным уничтожить ее. Славная истина жила все это время, подобно семени, терпеливо выжидающему свой час под толстым слоем земли. И теперь пробил ее час!

Изнуренное лицо индуса светилось восторгом. Грек громко воскликнул:

– Мне кажется, что сама пустыня поет вместе с нами!

Египтянин глотнул воды из кувшинчика, стоявшего возле него, и продолжал:

– Я царского рода и к тому же жрец. Я родился в Александрии и получил воспитание, соответствующее моему положению. Очень рано я разочаровался в исповедуемой мной вере. Одним из ее положений было то, что после смерти, по разрушении тела, душа и добрых, и злых людей переселяется в низшие существа. Когда я услышал о персидском Царстве Света, о рае, в который по мосту могут перейти лишь добрые, я начал задумываться. Ни днем, ни ночью мысли не покидали меня. Я сравнивал идею вечного переселения душ с идеей вечной жизни на небесах. Если Бог справедлив, то почему Он не делает различия между добрыми и злыми? Я ясно понял истину чистой религии: смерть есть только распутье, и порочные так и остаются на этом распутье или возвращаются вспять, верующие же достигают высшей жизни – не нубийской нирваны, этого отрицательного покоя Брахмы, о Мельхиор, и не лучших условий жизни в преисподней, где, по вере в олимпийских богов, небесами позволено все, о Гаспар, но жизни деятельной, радостной, вечной – жизни с Богом! Открытие это повлекло за собой другой вопрос: почему эта истина остается скрытой от всех и служит только эгоистическим радостям духовенства? Причин для сокрытия ее уже не существовало: благодаря философии мы научились терпимости. Но времена Рамзеса давно прошли, и теперь в Египте царила эпоха Рима. В одном из самых блестящих и многолюдных кварталов Александрии, в Брухейоне, я начал свою проповедь. Восток и Запад доставили мне слушателей. Учащиеся на пути в библиотеку, жрецы, идущие из Серапсiona, праздные – из музея, владельцы скакунов толпами собирались слушать меня. Я говорил о Боге, о душе, о добре и зле, о правде и неправде, о награде за добродетельную жизнь. Ты, Мельхиор, был побит камнями. Мои же слушатели сначала изумились, а затем рассмеялись.

Тут индус глубоко вздохнул и произнес:

– Брат мой! Самый страшный враг человека – это человек.

Валтасар на мгновение прервал свою речь.

– Долго я искал причину своего провала и наконец нашел ее, – сказал он, возвращаясь к рассказу. – Вверх по реке, на расстоянии одного дня пути, находилась деревушка, населенная пастухами и садовниками. Я сел в лодку и поплыл туда. Вечером я созвал народ, – трудно встретить бедней его, – и проповедовал ему то же, что я проповедовал в городе. Здесь надо мной не смеялись. Следующим вечером я говорил снова – они уверовали, возрадовались и разнесли по стране весть. После третьего собрания народ был уже совсем подготовлен к молитве. Тогда я возвратился в город. Ночью я плыл вниз по реке. Небо было усеяно звездами, которые, казалось, никогда не блистали так ярко, как теперь, и я, размышляя, пришел к заключению, что тот, кто хочет обновлять жизнь, не должен начинать с дворцов знатных и богатых, а должен идти сперва к тем, чаша довольства которых пуста, – к бедным и униженным. Тогда же я составил план, выполнению которого посвятил жизнь. Прежде всего я так распорядился своим большим состоянием, чтобы доход с него обеспечивал мне возможность жить без особых лишений. С того дня, братья мои, я начал странствовать вверх и вниз по Нилу, заходя во

все деревни и везде проповедуя единого Бога, праведную жизнь и воздаяние за нее на небесах. Я творил добро, но не мне быть судьей, много ли добра я сделал. Я узнал людей, готовых принять Того, Кого мы ищем.

Румянец залил смуглые щеки говорящего, но он победил волнение и продолжал:

– Все эти годы, братья мои, меня постоянно тревожила одна мысль: если меня не будет, что станет с моим делом. Я много раз думал, не следует ли мне увенчать мое дело созданием церкви. Чтобы ничего не скрыть от вас, я скажу, что пробовал даже построить ее, но не преуспел в этом. Братья мои, мир сейчас находится в таком состоянии, что реформатор должен обладать божественной санкцией, чтобы вернуть его к древней вере Мизраима. Мало того, если он придет во имя Бога, необходимы еще доказательства, подтверждающие его слова, – нужно, чтобы он показал им все, о чем он говорит, даже Самого Бога. Ум так увлечен теперь различными системами, такое множество ложных богов населяет землю, воздух и небо, они так укоренились в сознании людей, что для того, чтобы вернуть мир к первобытной религии, придется вести его по пути преследований, оставляя за собой кровавый след. Да, новообращенные должны скорее умереть, нежели отступить от своей веры. Но кто же в наш век, кроме Самого Бога, может поднять веру до такой высоты? Для того чтобы спасти мир, Он должен появиться еще раз: Он должен Сам сойти на землю.

Сильное волнение охватило всех.

– Мы идем за Ним! – воскликнул грек.

– Вы понимаете, почему мне не удалась попытка создания церкви? – заговорил египтянин, когда волнение несколько улеглось. – Я не имел божественной санкции. Сомнение в будущем моего дела глубоко печалило меня. Я верил в молитву и, подобно вам, мои братья, покинув большие дороги, удалился туда, где не было людей, где был один только Бог, чтобы там возносить к Нему свои молитвы. Я удалился в совершенно неизведанные страны Африки, вверх по Нилу, выше пятого его водопада, выше слияния реки в Сеннааре, к Бахр-эль-Абиаду. Есть там голубая, подобно небу, гора, утром бросающая длинную прохладную тень на запад. Каскадами, бегущими по ней от таяния снегов, питает она большое озеро, приютившееся у ее подошвы со стороны восточного склона. Озеро это – мать великой реки. Больше года гора служила мне убежищем. Плоды пальм питали мою плоть, молитвы – мой дух. Однажды ночью, прогуливаясь в пальмовой роще по берегу озера, я молился: «Мир погибает. Когда же придешь Ты? Неужели, о Боже, я не сподоблюсь увидеть искупление?» Зеркальные воды озера загорелись огоньками. Один из огоньков, казалось мне, сделался настолько блестящим, что свет его ослепил меня. Затем он приблизился ко мне и остановился так близко, что, казалось, можно было достать его рукой. Я пал ниц и закрыл лицо руками. Голос неземного происхождения произнес: «Твои добрые дела победили. Да будет благословение над тобой, сын Мизраима! Искупление грядет. С двумя другими людьми из отдаленных частей света ты узришь Спасителя и будешь свидетельствовать о Нем. Встань утром и иди навстречу им. Когда вы достигнете стен святого города Иерусалима, спросите: “Где здесь родившийся царь иудеев, ибо мы видели звезду Его на востоке и посланы поклониться Ему?” Возложи свою веру на Духа Святого, Который и будет твоим советчиком». Я не мог усомниться в услышанном, так как свет, озарявший меня, пребывал во мне и управлял мной. Руководимый им, я спустился вниз по реке к Мемфису, где и снаряжился для путешествия по пустыне. Я купил себе верблюда и шел сюда через Суэц и по землям Моавии и Аммона. С нами Бог, братья мои!

Все трое, как бы побуждаемые внешней силой, быстро поднялись и взглянули друг на друга.

– Я уже сказал, что вижу глубокий смысл в рассказанном нами, – продолжал египтянин. – Тот, Которому мы идем поклониться, был назван Царем иудеев. Но теперь мы встретились и выслушали друг друга, и мы уже знаем Его как Искупителя не только иудеев, но и всех народов земли.

Патриарх, переживший потоп, имел трех сыновей с их семьями, и ими был снова заселен мир. Заселение началось со Старого Света, в незабвенной стране, лежащей в сердце Азии. Индия и Дальний Восток были заселены потомством старшего сына; потомки младшего устремились на север, в Европу. Потомки среднего пересекли пустыни, лежащие близ Красного моря, и направились в Африку, и хотя большинство из них до сих пор остается кочующими, однако некоторые обосновались на берегах Нила.

Побуждаемые внутренним импульсом, трое странников одновременно протянули друг другу руки.

– Выражалось ли когда-либо божественное предопределение более ясно? – продолжал Валтасар. – Если мы обретем Бога, то в нашем лице потомки всех трех братьев преклонятся пред Ним. И когда каждый из нас вернется домой, мир узнает новую истину: Небо может быть заслужено не мечом, не мудростью, но верой, любовью и добрыми делами.

Наступило святое молчание, прерываемое вздохами и слезами. То была непередаваемая радость душ, уповавших на истинного Искупителя у источника с живой водой, в присутствии Самого Бога.

Некоторое время спустя они вместе вышли из палатки. Спокойствие по-прежнему царило в пустыне. Солнце почти закатилось. Верблюды спали.

Друзья собрали палатку и с остатками обеда поместили ее на носилки, после чего сели на верблюдов и отправились в путь, предводимые египтянином. Путь их лежал на запад. Ночь была холодная. Верблюды шли вперед уверенной рысью, и казалось, что задние ступали по следам вожатого верблюда. Всадники не произносили ни слова.

Скоро возшла луна. Высокие белые фигуры быстро и бесшумно двигались вперед. При лунном свете они казались призраками, убегаящими от ненавистного мрака. Внезапно перед ними, над горной вершиной, забрезжил мерцающий огонек. На их глазах явление это превратилось в луч ослепительного света. Сердца их сильно забились, души вострепнулись, и они воскликнули в один голос:

– Звезда, звезда! С нами Бог!

Великое торжище

На одном из отверстий западной стены Иерусалима навешены дубовые створницы, известные под названием Вифлеемских, или Яффских, ворот. Площадь перед ними – одно из известнейших мест города. Задолго до Сиона, предмета страстной мечты Давида, там стояла крепость. Когда, наконец, сын Иессея выгнал Иевуса и начал строиться, то одна из стен крепости пришлось северо-западным углом новой стены, и надстроенная над ней башня оказалась гораздо внушительнее прежней. Ворота крепости сохранились главным образом благодаря тому, что не нашлось места более удобного, куда можно было перенести все те дороги, которые сходились к этим воротам, и таким образом внешняя площадь сделалась признанным местом для рынка. Во дни Соломона тут происходил великий торг, в котором принимали участие как торговцы из Египта, так и богатые купцы Тира и Сидона. Прошло более трех тысяч лет, но до сих пор торг можно найти на том же месте. Понадобится ли страннику ось или пистолет, огурец или верблюд, захочет ли он получить ссуду или купить чечевицы, нужно ли ему приобрести дом, коня, тыкву, фиников, нанять переводчика, купить голубя или осла – за всем этим он идет к Яффским воротам. Картина рынка и теперь бывает чрезвычайно оживлена, при взгляде на нее возникает представление о том, каков был старый рынок во дни Ирода Строителя. В этот-то период и на этот-то рынок пусть и перенесется теперь читатель.

По еврейскому летосчислению, встреча волхвов, описанная в предыдущих главах, произошла в полдень двадцать второго дня третьего месяца года, то есть 25 декабря. Был второй год 193-й Олимпиады, или, по римскому летосчислению, 747 год: 67-й год жизни Ирода Великого и 35-й год его царствования – 4-й перед началом христианской эры. Счет часам у евреев начинался вместе с восходом солнца. Чтобы быть точными, скажем, что в первом часу рынок у Яффских ворот был уже очень оживлен.

Массивные ворота давно растворены. Толпа, возрастая ежеминутно и создавая давку под сводами ворот, устремляется в город через узкий проход и двор, образуемый стенами большой башни. Так как Иерусалим лежит в гористой местности, то утренний воздух довольно прохладен. Солнечные лучи, обещая тепло, пока еще медлят на башенках строений, выглядывающих из-за высоких стен. С них доносятся воркование и шум крыльев от стай голубей, перелетающих с места на место.

Для понимания некоторых следующих страниц необходимо хотя бы беглое знакомство с обитателями Святого Города, а для этого стоит остановиться у ворот и окинуть взором представившуюся глазам картину. Мы не будем иметь более удобного случая, чтобы познакомиться с населением города.

Прежде всего картина производит впечатление хаоса. Особенно это заметно в проходе во дворик. Почва там вымощена громадными бесформенными плитами, отражаясь от которых, каждый крик, каждый нестройный звук или удар копыта возрастает и вплетается в чудовищную смесь звуков, но стоит замешаться в толпу, чуть-чуть ознакомиться с ходом дел, и разобраться в происходящем становится легко.

Вот стоит осел, задремавший под тяжестью корзин, наполненных чечевицей, бобами, луком и огурцами, доставленными из галилейских огородов. Его хозяин, если только он не занят с покупателями, рекламирует свой товар на непонятном языке. Трудно представить костюм более простой, чем его: перекинутый через плечо кусок холста и сандалии – вот и все его одеяние. Возле осла на коленях лежит хотя и более важный, но менее терпеливый верблюд – кожа да кости, шершавый, грязный, с длинными космами рыжевато-серых волос под глоткой, нагруженный ящиками и корзинами. Собственник его – маленький живой египтянин с темным цветом лица, огрубевшим от дорожной пыли. Он одет в потертый тарбуш (головной убор наподобие тюрбана у некоторых народов Аравийского полуострова) и свободное платье

без рукавов, спускающееся от шеи до колен. Ноги его босы. Верблюд, беспокоясь под тяжестью, стонет, оскаливая зубы. Не обращая на это внимания, хозяин не остается ни на минуту спокоен, предлагая всем свои свежие фрукты, привезенные из Кедронских садов.

Возле одного из углов прохода, ведущего во двор, прислонившись к серым каменным стенам, сидит несколько женщин. Одеты они в платья, какие в этой стране носят все женщины низших классов, – подпоясанный полотняный балахон закрывает все тело, а на плечи спускается довольно широкое покрывало. Товар их состоит из множества кувшинов, которые до сих пор употребляются на Востоке для доставления воды из колодцев, и нескольких кожаных фляг. Между кувшинами и флягами, равнодушные к толпе и холоду, играют дети, постоянно подвергаясь опасности быть раздавленными. Их загорелые тельца, черные, как уголь, глазенки и густые черные волосы выдают еврейскую кровь. Матери, выглядывая по временам из-под покрывал, на родном наречии предлагают свой товар: у них в бутылках «виноградный мед», а в кувшинах – крепкое питье. Эти робкие зазывания всякий раз теряются в общей сутолоке, и женщинам приходится туго от многочисленных соперников – дюжих молодцов в грязных туниках, с голыми ногами, длинными бородами, протискивающих в народ с бутылками за спиной и громко кричащих: «Виноград! Виноградный мед!» Когда покупатель остановит такого молодца, бутылка мигом откупоривается, и из нее в подставленную кружку льется темно-красный сок.

Едва ли менее крикливы торговцы птицами – утками, соловьями, чаще же всего голубями. Редко кому из покупателей приходит в голову мысль о полной опасности жизни этих ловцов, смелых скалолазов, то висящих между небом и землей, прицепившись руками и ногами к какому-нибудь утесу, то спускающихся в корзинах в горную расщелину.

Преобладают же на рынке продавцы животных: ослов, лошадей, телят, овец, блеющих козлят и неуклюжих верблюдов – короче, разного скота, за исключением запрещенной свиньи. Везде слышно, как они торгуются, то резко и шумно, почти угрожающе крича, то ласково понижая голос. Придерживая свой товар, они соседствуют с продавцами других товаров, предлагающихся здесь в таком же великом разнообразии, как велико разнообразие потребностей человека: рядом с ними вы встретите и торговцев платьем, и разносчиков благовонных товаров, и продавцов драгоценностей. Последние выделяются как своим хитрым видом, свойственным людям, хорошо понимающим силу предлагаемого ими товара – режущих глаза золотым блеском браслетов, ожерелий, колец для пальцев и для носа, так и своей одеждой – алыми с голубым плащами и чудовищными белыми тюрбанами.

Когда читатель, окончив рассматривать торговцев и их товар, пожелает обратить внимание на посетителей рынка, то самое лучшее место для своих наблюдений он найдет за воротами, где зрелище не менее разнообразно и оживленно, нежели во дворе. Ко всему описанному там присоединяются еще палатки и балаганы, большой простор и большая толпа, неограниченная свобода и великолепное восточное солнце.

Картина Священного города

Остановимся у ворот при встрече двух течений толпы – одного, направляющегося во двор, другого – из двора, и насторожим слух и зрение. В добрый час! Как раз идут два человека, особенно достойных внимания.

– Боги, как холодно! – говорит один из них. Его могучая фигура защищена блестящими доспехами, голова покрыта медным шлемом. – Как холодно, однако! Помнишь ли ты, Кай, тот подвал у нас в Комиции (народное собрание в Древнем Риме), о котором римские жрецы говорят, что это вход на тот свет? Клянусь Плутоном, сейчас я бы пошел туда погреться!

Тот, к кому обращена речь, опускает капюшон своего военного плаща, оставляя обнаженными голову и лицо, и говорит с насмешливой улыбкой:

– Шлемы легионеров, победивших Марка Антония, были покрыты галльским снегом. Ты же, мой бедный друг, только что возвратился из Египта с его зноем в своих жилах.

С последними словами они исчезают в проходе. Если бы они не говорили совсем, проходя мимо нас, то по их доспехам и уверенной походке мы узнали бы в них римских солдат.

Из толпы выходит еврей, худой, сторбленный, с космами нечесаных волос, в одежде из грубой шерстяной материи. Встречные смеются над ним, некоторые даже издеваются. Это – назарянин, член той презираемой секты, приверженцы которой отвергают Книги Моисея, посвящают себя гнусным обетам и ходят с нестриженными волосами весь срок обета.

В то время как мы смотрим ему вслед, толпа начинает сильно волноваться и расступается после пронзительного возгласа. Вот показывается человек, по лицу и одежде еврей. Бело-снежная мантия свободно спускается с его плеч, богато украшенное платье обхвачено кушаком с золотой бахромой. Он идет спокойно и даже посмеивается над расступающимся перед ним народом. Кто же это? Прокаженный? Нет, всего лишь самаритянин. Если вы спросите о нем у кого-нибудь из окружающих, вам скажут, что это нечистый – ассириянин, одно прикосновение к платью которого оскверняет и от которого поэтому израильтянин не может принять помощи даже в том случае, когда от нее зависит сама жизнь. Причиной такой вражды является, впрочем, вовсе не различие происхождения. Когда Давид, поддерживаемый одним только Иудой, основал здесь, на Сионской горе, свой трон, остальные десять племен удалились в Сихем, город, гораздо более древний и в те времена несравненно более почитаемый. Последовавшее за тем соединение племен не погасило этих раздоров. Самаритяне придерживались своей скинии на Гаризиме и, признавая ее высшую святость, подсмеивались над сердитыми учеными Иерусалима. Время не ослабило раздоров. В царствование Ирода веротерпимость распространялась на всех, за исключением самаритян: они одни безусловно и навсегда были отринуты от общения с иудеями.

Самаритянин входит под своды ворот, а из-под них выходят три человека, так непохожие на всех виденных нами, что волей-неволей мы останавливаем на них свое внимание. Все они громадного роста, у них синие глаза и цвет лица настолько нежный, что жилки просвечивают сквозь кожу. Их светлые волосы коротко острижены. Они прямо держат головы, плотно посаженные на шеи, по правильности своих очертаний подобные древесным стволам. Шерстяные свободно опоясанные туники, открытые на груди, драпируют их туловища, оставляя обнаженными руки и ноги, развитые так сильно, что при взгляде на них невольно возникает мысль об арене. Если мы ко всему этому прибавим их беззаботный, самоуверенный и дерзкий вид, то не будет удивительно, что им уступают дорогу и останавливаются, чтобы посмотреть им вслед. Это или борцы-гладиаторы, скороходы, кулачные бойцы, фехтовальщики, неизвестные в Иудее до прихода римлян, шатающиеся в свободное от своих занятий время по царским садам и занимающиеся праздной болтовней со стражей у дворцовых ворот, или пришельцы из Кесарии, или Себасты, или Иерихона, где Ирод, более грек, нежели иудей, и совершенный римля-

нин по своей страсти ко всякого рода кровавым зрелищам, строил большие театры и содержал фехтовальные школы, воспитанники для которых доставлялись галльскими провинциями или славянскими племенами с Дуная.

– Клянусь Бахусом, – говорит один из них, сгибая руку со сжатым кулаком, – черепа их не толще яичной скорлупы.

Зверский взгляд, сопровождающий это телодвижение, производит на нас отталкивающее впечатление, и, отвернувшись в сторону, чтобы отделаться от него, мы, к счастью, видим нечто более мирное.

Против нас – торговец фруктами. У него плешивая голова, длинное лицо и нос, похожий на ястребиный клюв. Он сидит на ковре, разостланном в пыли; позади него стена, над головой короткий навес; вокруг него выставлены на низеньких подставочках ивовые корзинки, наполненные миндалем, виноградом, смоквами и гранатами. К нему подходит человек, невольно приковывающий к себе наш взгляд, хотя и по другим причинам, чем гладиаторы, – это грек, настоящий красавец. На голове у него миртовый венок, сдерживающий на висках волнистые волосы, в венок вплетены бледно-желтые цветы и зеленые ягоды. Его ярко-красная туника сшита из тончайшей шерстяной ткани. Из-под пояса буйволового кожи, застегнутого спереди вычурной золотой пряжкой, до колен спускаются тяжелыми складками полы туники с украшениями из того же благородного металла. Его руки и ноги по белизне походят на слоновую кость и настолько выхолены, что, глядя на них, невольно думаешь о тех омовениях, притираниях, щеточках и щипчиках, к которым пришлось прибегнуть ему, чтобы достичь такого результата.

– Что у тебя сегодня, сын Патоса? – говорит молодой грек, смотря скорее на корзинки, нежели на торговца-киприота. – Я проголодался. Не найдется ли у тебя чего-нибудь позавтракать?

– Фрукты из Педия – самые лучшие, все певчие Антиоха по утрам берут их у меня для направления своих голосов, – отвечает гнусавым голосом торговец.

– Не годится самая лучшая твоя смоква для певчих Антиоха! – говорит грек. – Ты поклоняешься Афродите, я тоже поклоняюсь ей, чему доказательством вот эти мирты. Так знай же, что голоса их пропали от каспийских ветров. Видишь ли ты этот пояс? Это подарок могущественной Саломеи...

– Царской сестры! – восклицает киприот.

– У нее и вкус царский, справедлива же она божественно! Она ведь гречанка более, нежели царь. Однако что же завтрак? Вот тебе деньги, красные кипрские медяки: дай мне винограду и...

– Не угодно ли фиников?

– Не надо, я не араб.

– Смокв не возьмете ли?

– От них я стал бы евреем. Нет, ничего не надо, только винограду. Наилучшая смесь жидкости получается от смешения крови греческой с кровью винограда.

Но вот идет человек, изумляющий нас как нельзя более. Он медленно бредет по дороге с лицом, опущенным долу. По временам он останавливается, складывает руки на груди, вытягивает свое лицо и возводит очи к небу, как будто собираясь молиться. Нигде, за исключением Иерусалима, невозможно встретить подобной фигуры. На лбу у него болтается кожаный четырехугольный ящичек, другой такой же ящичек привязан к левой руке. Края его платья украшены густой бахромой. По всем этим признакам и по выражению святости на лице мы узнаем в нем фарисея, члена той организации (в религии это секта, в политике – партия), фанатизм и могущество которой должны в нашем рассказе повергнуть нас в скорбь.

Внимание наше после фарисея привлекают несколько лиц, которые как будто бы для того, чтобы облегчить нам наблюдение, случайно отделились от движущейся толпы. Мы прежде всего остановим свой взгляд на человеке весьма благородной наружности, с чистым и здоро-

вым цветом лица, большими черными глазами, длинной и тщательно напмаженной бородой, одетом в дорожную, хорошо сидящую на нем одежду. В руке у него палка, с шеи свесился шнур с привязанной на его конце большой золотой печатью. За ним стоят несколько служителей, у некоторых из них за поясом короткие мечи: они относятся к своему господину с глубочайшим почтением. Остальные лица группы – это два араба: тонкие, сухие, со впалыми щеками и почти дьявольским блеском в глазах. На головах у них красные тарбуши, темные шерстяные покрывала перекинута через плечо и обернута вокруг тела таким образом, что свободной остается только правая рука. В этой группе происходит громкий торг: арабы привели продавать лошадей и со свойственной им страстностью торгуются резкими, пронзительными голосами. Изящный человек предоставил свободу договариваться с ними своим служителям. Сам же он, если ему приходится говорить, говорит с большим достоинством. Увидев перед собой киприота, он подходит к нему и покупает несколько смоков. Если мы, после того как вся эта группа вслед за фарисеем скроется за воротами, пожелаем узнать от торговца фруктами, кто этот изящный господин, то он нам скажет с чудеснейшим сальмом (поклон), что это один из городских князей и что он только что вернулся из путешествия, совершенного им с целью изучить разницу между сирийским виноградом и виноградом кипрским.

Итак, обыкновенно до полудня, а иногда несколько позже переливается деловая толпа двумя непрерывными потоками – в Яффские ворота и из них. Тут представители всех племен Израиля, всех сект, на которые раздробилась древняя вера, всех религиозных и социальных оттенков и того праздного сброда – детей искусства и служителей удовольствий, которые чувствуют себя как нельзя лучше в расточительные времена Ирода. Тут есть и представители всех известных народов, попадавших когда-либо под власть кесарей и их предшественников, в особенности же те из них, которые обитали на окраинах Средиземного моря.

Другими словами, Иерусалим, священный своим прошлым, а еще более своим будущим, предсказанным ему пророками, Иерусалим Соломона, в котором серебро ценилось не дороже камней и кедры были дешевле придорожных смоковниц, дошел до того, что стал только копией Рима, местом совершения нечестивых сделок, столицей языческой власти. Некогда еврейский царь оделся в свои лучшие одежды и вошел в святая святых Первого храма, для того чтобы там воскурить фимиам, а вышел оттуда пораженный проказой. В описываемые нами времена Помпей вошел в храм Ирода и в ту же святая святых и, выйдя оттуда совершенно здоровым, рассказал, что нашел там пустое место и ни малейших признаков присутствия Бога.

Путники из Назарета

Возвратимся на описанный нами двор, составляющий часть рынка у Яффских ворот. Третий час дня, и многие уже разошлись, хотя давка нимало не уменьшилась. Особое внимание обращает на себя группа из мужчины, женщины и осла, расположившаяся у противоположной воротам южной стены двора.

Мужчина стоит у головы животного, держа его за повод и опершись на ту палку, которой он, по всей вероятности, в дороге подгоняет осла. Одежда его, ничем не отличающаяся от обыкновенной одежды евреев, выглядит совершенно новой: плащ, спускающийся с его головы, и платье, доходящее до пят, очевидно, надевались им только по субботним дням при посещении синагоги. Лицо его открыто, и, судя по нему, мужчине можно дать лет пятьдесят, что подтверждает и седина, пробивающаяся в его некогда черной бороде. Он смотрит по сторонам с любопытством, смешанным с удивлением, как вообще смотрят иностранцы и провинциалы.

Осел не спеша ест зеленую траву из охапки, лежащей перед ним. Для животного, находящегося в состоянии дремотного довольства, как бы не существует окружающей суеты и шума: конечно, оно не замечает и спутницу, сидящую на его спине на седельной подушке.

Верхнее платье из светлой шерстяной материи совершенно закрывает ее фигуру, тогда как белая вуаль скрывает голову и шею. Изредка на мгновение она раздвигает покрывало, но не настолько, чтобы можно было разглядеть ее лицо.

К мужчине наконец подошел кто-то и, став против него, спросил:

– Вы не Иосиф ли из Назарета?

– Так меня называют, – отвечал Иосиф, важно повернувшись в сторону говорящего, – а вас... Ах, это вы! Мир вам, мой друг, равви Самуил.

– И вам того же, – равви помолчал и, взглянув на спутницу Иосифа, добавил:

– Мир вам, вашему дому и всем домочадцам!

С последними словами он приложил руку к груди, наклонил голову в сторону женщины, которая, чтобы посмотреть на него, раздвинула покрывало настолько, что на один миг можно было увидеть ее юное лицо.

– Вы так мало запылились, – сказал фамильярно равви, – как будто ночевали здесь, в городе наших отцов.

– Нет, – возразил Иосиф. – Добравшись засветло до Вифании, мы остановились там в канне (гостиница), а затем с рассветом снова были в пути.

– Да, длинна ваша дорога. Куда же вы идете, не в Яффу, надеюсь?

– Нет, только до Вифлеема.

Дружеское выражение лица равви при этих словах омрачилось, не предвещая ничего хорошего. Вместо кашля из его горла вылетело рычание.

– Понимаю, понимаю, – заговорил он. – Вы родились в Вифлееме и теперь идете туда с вашей дочерью, чтобы там, исполняя повеление кесаря, подвергнуться переписи и потом платить подати. Положение детей Иакова в настоящее время ничем не лучше того, каким оно было во времена египетского пленения, только теперь у них нет ни Иосифа, ни Моисея. Как низко пали потомки могучего народа!

Иосиф, не переменив ни позы, ни выражения лица, сказал только:

– Спутница эта мне не дочь.

Но равви уже было трудно оторваться от политики, и он продолжал, не обращая внимания на слова Иосифа:

– Чем же занимаются зилоты (еврейская политическая партия в эпоху войн с римлянами, выступавшая за непримиримую борьбу с Римом) в Галилее?

– Я плотник. Назарет же – это деревня, – сказал Иосиф благоразумно. – Улица, на которой стоит моя мастерская, не на той дороге, что ведет в город. Работа с деревом не позволяет мне принимать участие в партийных спорах.

– Да ведь вы еврей, – яростно заговорил равви, – ведь вы еврей, и к тому же из колена Давидова. Невозможно, чтобы вам доставляло удовольствие платить какую-нибудь подать, кроме динария, воздаваемого по древнему обычаю Иегове?

Иосиф сохранял прежнее спокойствие.

– Я хлопочу не о размере подати, – продолжал его друг. – Динарий – это пустяки. Нет, дело не в том. Сама попытка обложить нас податью – оскорбление, согласие же наше платить ее будет с нашей стороны подчинением тирании. Скажите мне, правда ли, что Иуда провозглашает себя Мессией?

– Я слышал, что последователи его говорят, что он Мессия, – ответил Иосиф.

В эту минуту покрывало отдернулось, и на мгновение стало видно лицо девушки. Равви как раз смотрел в ту сторону, так что успел увидеть редкую красоту спутницы Иосифа. Краска залила ее лицо, и вуаль тотчас же задернулась.

Политик забыл и предмет разговора.

– Какая красавица у вас дочь! – сказал он, понизив голос.

– Она мне не дочь, – повторил Иосиф.

Любопытство равви возросло, и назареянин, заметив это, поспешил пояснить:

– Она дочь Иоакима и Анны вифлеемских, о которых вы, наверное, слышали, так как они пользовались большой известностью...

– Да, – заметил почтительно равви, – я был с ними знаком. По прямой линии они происходят от Давида.

– Теперь они умерли, – продолжал назареянин, – умерли в Назарете. Иоаким был небогат, но все-таки оставил после себя дом с небольшим садом двум своим дочерям, Марианне и Марии. Это одна из них. Для того чтобы ее доля осталась за ней, закон требует, чтобы она вышла замуж за ближайшего родственника. И я женился на ней.

– А вы приходите...

– Я ее дядя.

– Так, так! Вы оба, стало быть, родились в Вифлееме, и теперь римлянин заставляет вас взять ее с собой, чтобы обоих внести в перепись.

Равви сжал руки и, глядя с негодованием в небо, воскликнул: «Жив Бог Израиля! И Он отомстит!»

С этими словами он отвернулся и быстро ушел. Незнакомец, стоявший неподалеку, заметив изумление Иосифа, спокойно произнес:

– Равви Самуил – настоящий ревнитель: сам Иуда вряд ли превзойдет его.

Иосиф, не желая начинать разговора с этим человеком, сделал вид, что не слышит его, и занялся собиранием травы, которую осел разбросал по сторонам, после чего снова оперся на палку и застыл в этой позе.

Через час вся эта компания вышла из ворот и, повернув налево, двинулась в сторону Вифлеема. Спуск в долину был неровный, однако с живописно разбросанными дикими оливковыми деревьями. Назареянин с поводом в руках шел рядом с сидевшей на осле женщиной, нежно заботясь о ее удобстве.

Осторожно миновали они пруд, с которого сбегала тень, отбрасываемая высоким холмом, осторожно прошли, придерживаясь водопроводов, проведенных из прудов Соломона, до деревенского домика, стоявшего на том месте, которое в настоящее время называется холмом Дурного Совета, потом начали взбираться к Рефаимской равнине. Яркие лучи солнца, освещавшие каменистую поверхность, заставили Марию, дочь Иоакима, сбросить покрывало и открыть

свою голову. Иосиф с торжественным видом рассказывал Марии историю о том, как на этом месте Давид застал врасплох лагерь филистимлян. Она его не всегда слушала.

О Давиде, сыне Иессея, сказано: «Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом» (Первая книга Царств 16:12). Поэтическая вольность распространила особенности предка и на его известных потомков. Так, все наши идеальные Соломоны имеют прекрасные лица, волосы и брови у них в тени каштанового цвета, а на солнце отливают золотом. Мы охотно верим, что таковы были и знаменитые волосы Авессалома. За отсутствием достоверных источников предание не менее любезно наделило красотой и ту, за которой мы сейчас следуем по направлению к родному городу белокурого царя.

Ей, казалось, было не более пятнадцати лет. Вся внешность ее, голос и движения вполне соответствовали этому нежному возрасту. Лицо было скорее бледное, чем белое, и все его линии выражали мягкость, нежность и кротость. Большие синие глаза оттенялись полузакрытыми веками и длинными ресницами. Со всем этим вполне гармонировал поток золотистых волос, спадавших по ее спине, достигая седла, на котором она сидела.

Красота очертаний лица дополнялась прелестью его выражения, не так легко поддающегося описанию. Это лицо было проникнуто чистотой, отражавшей идеальность души, свойственную только тем, кто непрерывно устремляет мысли к неземному. С трепещущими губами она поднимала к небу свои глаза, синева которых была небесная, и часто скрещивала руки на груди, как бы благоговей перед кем-то и молясь кому-то. Часто приподнимала она свою голову, как бы прислушиваясь к зовущему ее голосу.

По временам, в промежутках между своими рассказами, Иосиф оборачивался к ней и, уловив восторженное выражение ее лица, в изумлении забывал свой рассказ, продолжая молча идти рядом.

Вот они и прошли весь длинный путь, расстилавшийся по равнине, и наконец достигли Мар-Елиасского подъема, с которого за долиной увидели Вифлеем, белые стены которого увенчивали горный хребет, просвечивая сквозь оголенные сады. Они остановились тут и стояли, пока Иосиф показывал Марии разные места, знаменитые своей святостью, затем спустились в долину, к колодцу, хранящему память о чудесном подвиге сильных слуг Давида. Тут на узком пространстве столпилось множество народа. При виде толпы Иосиф начал опасаться за то, что в городе ему будет трудно найти помещение для Марии. Нигде не останавливаясь, не кланяясь никому из встречных, он проталкивался к покрытому садами склону, пока не остановился перед входом в канну, находившуюся за городскими воротами недалеко от перекрестка.

В канне близ Вифлеема

Для того чтобы лучше понять все происшедшее с назарейянами в канне, читатель должен припомнить, что восточные канны не походили на западные гостиницы. Они представляли собой огороженный участок земли без постройки, часто даже без ворот. Места для их расположения выбирались богатые тенью и обильные водой. Таковы были постоянные дворы, которые укрывали еще Иакова во время его странствия в поисках невесты в Падан-Аrame. В настоящее время их подобие можно встретить среди пустынь. Лишь некоторые из канн, в особенности те, что находились на пути между большими городами, представляли собой роскошные постройки, служившие памятниками благочестия построивших их царей. Обыкновенно же канны были владениями шейхов, в которых они размещали свой род. Помещения, отводимые путешественникам, менее всего служили источником доходов – главным же образом они были рынками, факториями (поселение европейских торговцев), укреплениями, сборными местами и резиденциями купцов и ремесленников, а также местами, где могли найти себе кров люди, застигнутые в пути ночной темнотой. Внутри их стен круглый год кипела городская жизнь.

Своеобразное управление этих гостиниц составляло черту, которая, вероятно, способна вызвать изумление иностранца. В них не было ни хозяина, ни приказчика, ни повара – единственным видимым признаком того, что канна составляла чью-то собственность, служил привратник. Следствием такой системы было то, что каждый вновь прибывший должен был привозить с собой припасы и кухонные принадлежности, постели и корм для скота или же покупать их у торговцев канны. Вода, покой, кровля и защита – вот все, что он мог требовать от канны, и это ему предлагалось бесплатно. Спокойствие в синагогах иногда нарушалось громкими криками спорящих, в каннах же никогда: даже колодцы были почитаемы не более, чем канны.

Канна у Вифлеема, около которого остановились Иосиф и Мария, не была ни очень плоха, ни слишком роскошна. Построенная в восточном вкусе, она представляла собой сложенный из камней четырехугольник в один этаж, с плоской крышей, без окон и только с одним входом. Дорога так близко проходила возле двери, что меловая пыль почти наполовину прикрывала выступ над ней. Ограда из отесанных камней, которая начиналась от северо-восточного угла строения, сбегала на несколько ярдов вниз по склону, затем поворачивала к западу и заключалась известковыми утесами, образуя одну из существенных принадлежностей всякой благоустроенной канны – безопасную изгородь для скота.

В городе с одним шейхом, подобном Вифлеему, не могло быть более одной канны. Рассчитывать же найти в ней приют наши назарейяне не могли – хотя они и родились в Вифлееме, но давно уже не жили в нем. К тому же перепись могла продолжаться неделями, даже месяцами: представители римской власти в провинции были баснословно медлительны. Нечего было и думать навязать себя на такой неопределенный срок родственникам и знакомым, если бы таковые и оказались. Поэтому боязнь не найти помещения, охватившая Иосифа еще у колодца, возросла до настоящего душевного беспокойства, чему содействовало и то, что теперь его путь пролегал через толпу народа. Мужчины и мальчики, попадавшиеся ему на каждом шагу, с великим трудом пробивали дорогу себе и своему скоту: одни – спускаясь в долину, другие – поднимаясь из нее, кто за водой, кто к соседним пещерам.

Когда Иосиф подъехал к самой канне, боязнь его нисколько не уменьшилась: у двери стояла громадная толпа, площадка же внутри ограды была битком набита.

– К двери невозможно пробраться, – сказал Иосиф, по обыкновению растягивая слова, – остановимся здесь и узнаем, если можно, что тут произошло.

Не говоря ни слова, Мария отдернула покрывало. Выражение утомления, появившееся было на ее лице, быстро сменилось интересом к окружающему. Они были в хвосте собрания,

которое, несомненно, способно было возбудить ее любопытство, хотя такие сборища – вещь очень обыкновенная для всякой канны на большой дороге, по которой проходят большие караваны. Тут были и пешеходы, снующие взад и вперед, пронзительно кричащие на всех сирийских наречиях; всадники на лошадях, покрикивающее на хозяев верблюдов; люди, с сомнительным успехом борющиеся с угрюмыми коровами и пугливыми овцами; продавцы хлеба и вина и толпы мальчишек, гоняющихся за стаями собак. По всей вероятности, долго выносить такое зрелище прекрасной наблюдательнице оказалось не по силам: немного посмотрев вокруг, она вздохнула, спокойно уселась в седле и как бы в поисках тишины и спокойствия или в ожидании кого-то повернула голову к высоким скатам горы Парадос, розовым в лучах заходящего солнца.

В то время как Мария созерцала горы, какой-то человек с сердитым лицом, пробравшись сквозь толпу, остановился рядом с ослом. Назарянин заговорил с ним.

– Поскольку я принимаю тебя за одного из тех, к кому и сам принадлежу, любезный друг, – к сыновьям Иуды, то смею спросить, почему здесь собралось такое множество народа?

Незнакомец обернулся, но, увидев торжественное лицо Иосифа и услышав его спокойную и тихую речь, поднял руку для приветствия и сказал:

– Мир тебе, рабби! Да, я из сынов Иуды и отвечу тебе. Я живу в Бет-Дагоне, находящемся, как ты знаешь, в местности, называемой землей племени Дана.

– На дороге к Яффе из Мадона, – сказал Иосиф.

– А, ты бывал в Бет-Дагоне, – сказал незнакомец с еще более любезным выражением лица. – Много нам, сынам Иуды, приходится путешествовать! Я уже давным-давно пришел от гор старого Ефрата, как наш отец Иаков называл его. В чужих краях меня настиг декрет, призывающей всех евреев для переписи на место их рождения, вот в чем мое дело, рабби!

Лицо Иосифа оставалось неподвижным, как маска, когда он заметил: «Мы оба пришли за тем же».

Незнакомец взглянул на Марию и ничего не сказал. Она глядела на голую вершину Гедор. Солнце своими лучами касалось ее немного приподнятого лица и отражалось в глубокой синеве ее глаз. На ее полуоткрытых губах трепетало выражение вдохновения, совсем не свойственное смертным. Красота ее была положительно неземная: она походила на тех небожителей, которые стерегут ворота рая. Бет-дагонит увидел тот оригинал, который много столетий спустя явился во сне божественному Рафаэлю Санцио и обессмертил его имя.

– Да, о чем я говорил? Ага, припоминаю. Я остановился на том, что услышал о приказе, когда был вдали от родины. Сначала я ужасно рассердился. Затем, вспомнив о старом холме, о городе и долине, по которой течет глубокий Кедронский поток, о виноградниках и садах, о засеянных полях, оставшихся неизменными со времен Вооза и Руфи, о старых знакомцах-горах, – здесь Гедор, там Гибеах, вон там Мар-Елиас, – которые были для меня границами мира во время детства, – вспомнив обо всем этом и забыв тиранов, я пришел сюда вместе с Рахилью, моей женой, и Деворой и Мелхолой – нашими саронскими розами.

Мужчина снова умолк, бегло взглянув на Марию, теперь прислушивающуюся к его словам. Потом он сказал:

– Рабби, не лучше ли будет твоей спутнице присоединиться к нам? Жена с детьми вон там, под той склонившейся оливой, что стоит на повороте дороги. Уверю тебя, – проговорил он тоном, не допускающим сомнения, – канна сейчас полна.

У Иосифа воля была так же упорна, как и ум. Он немного поколебался и наконец ответил:

– Предложение твое очень любезно. Во всяком случае, найдется для нас помещение в доме или нет, мы сочтем за долг познакомиться с твоим семейством. Я поговорю с привратником и скоро приду к тебе.

Передав поводья незнакомцу, он протиснулся сквозь волнуемую толпу. Привратник с собакой сидел у ворот на большом обрубке кедра. К стене позади него было прислонено копье.

– Мир Иеговы да будет с тобой! – сказал Иосиф, приблизившись к нему.

– Даваемое тобой да возвратится сторицей тебе и твоему дому, – ответил страж, не пошевелившись.

– Я вифлеемлянин, – сказал Иосиф, насколько мог, непринужденно. – Нет ли здесь свободного помещения?

– Все занято.

– Ты, по всей вероятности, слышал обо мне: я – Иосиф из Назарета. Дом этот – дом моих отцов, ведь по прямой линии я потомок Давида.

На эти слова Иосиф возлагал большие надежды. Уж если они не выручат его, то все дальнейшие переговоры, включая подкуп, можно считать тщетными. Происходить от Иуды в общественном мнении значило много, происхождение же от Давида в еврейском мире значило все. Тысячи лет прошли с тех пор, как мальчишка-пастух сделался наследником Саула и основал династию. Войны, мятежи, смена царей низвели его наследников до уровня простых евреев: хлеб, который они ели, они добывали тяжелым трудом, но за ними была история, почитаемая священной, и генеалогия играла в ней главную роль. Так было в Иерусалиме и повсюду в Израиле, и здесь, у двери вифлеемской канны, всякий принадлежавший к священной линии с полным основанием мог рассчитывать на почет. Сказать, как сказал Иосиф, – «это дом моих отцов» – значило сказать истину в самом простом, буквальном смысле слова, так как это был тот самый дом, который принадлежал еще Руфи, жене Вооза, тот самый, в котором родились Иессей, его десять сыновей и сам Давид в их числе, тот самый, куда Самуил приходил искать царя и где нашел его, тот самый, который Давид отдал сыну Барзилая, дружественному Гилиадиту, тот самый, наконец, в котором Иеремия молитвами спас остаток своего рода, убежавшего от вавилонян.

Ссылка на рождение произвела впечатление. Привратник слез с бревна и, приложив руку к бороде, сказал почтительно:

– Рабби, я не знаю, когда эта дверь впервые отворилась для путешественников, однако думаю, что случилось это более тысячи лет назад, и за все это время не было случая, чтобы добрый человек нашел ее запертой. Если тебе угодно последовать за мной, я проведу тебя внутрь, и ты удостоверишься, что места нет не только в комнатах и во дворе, но даже на крыше. Позволь узнать, давно ли вы прибыли?

– Только сейчас.

Привратник улыбнулся.

– Чужестранец, поместившийся под твоей кровлей, все равно что твой родной, – люби его, как самого себя, ведь так гласит закон?

Иосиф промолчал.

– Если таков закон, то могу ли я сказать кому-нибудь, кто прибыл раньше: «Ступай своей дорогой, твое место займет другой»?

– Что это за народ, – спросил Иосиф, указывая на толпу, – и зачем он здесь собрался?

– Без сомнения, по тому же делу, которое привело сюда и вас. А вчера еще прибыл караван, проходящий из Дамаска в Аравию и Нижний Египет.

Иосиф настаивал:

– Ведь двор просторен, – сказал он.

– Да, но он завален кладью – кипами шелка, мешками с пряностями и тому подобным.

На мгновение выражение лица просителя изменилось, лишенные блеска глаза безнадежно опустились, и он мягко произнес:

– Я не о себе хлопочу – со мной Мария, а ночь здесь холодна, холоднее, чем в Назарете. Ей нельзя ночевать на открытом воздухе. Не найдется ли в городе помещения для нее?

– Все эти люди, – привратник сделал движение рукой по направлению к толпе, – сначала думали поместиться в городе, но возвратились сюда – говорят, что в городе все места заняты.

Иосиф сделал еще одну попытку:

– Она так молода! Если ей придется ночевать на улице, мороз убьет ее!

Потом он снова обратился к привратнику:

– Может, ты знаешь ее родителей, Иоакима и Анну из Вифлеема, тоже колена Давидова?

– Да, я знал их. Хорошие были люди.

Привратник в раздумье смотрел на землю. Вдруг он приподнял голову.

– Я не могу найти вам комнаты, – сказал он, – но не могу и отпустить вас отсюда. Все, что я могу сделать, я сделаю. Сколько вас?

Иосиф подумал и сказал:

– Моя жена и мой друг с семейством из Бет-Дагона, городка за Яффой, всего шестеро.

– Ладно. Вы не будете спать на открытом воздухе. Приводи их поскорее: солнце уже заходит, а ночь здесь наступает быстро.

– Я благословляю тебя как бездомный путник, а затем благословлю как человек, нашедший у тебя приют.

Произнеся это, Иосиф радостно пошел к Марии и бет-дагониту. Тот быстро собрал свою семью. Когда они подъехали к двери, привратник мог заметить, что они принадлежат к низшему классу.

– Вот та, о которой я говорил тебе, – сказал назареянин, – а это мои друзья.

Покрывало Марии было снято.

– Синие глаза и золотые волосы, – пробормотал про себя привратник, смотря на нее одну. – Таков же был и молодой царь, когда он шел петь перед Саулом.

Он взял повод из рук Иосифа и сказал Марии: «Мир тебе, дочь Давида!».

К остальным он обратился со словами «Мир всем вам!» и пригласил Иосифа следовать за ним.

Через широкий мощный проход они вошли во двор канны, переполненный толпой. Узким проходом между грудями клади они проникли внутрь смежной с домом ограды, где увидели дремлющих верблюдов, лошадей и ослов. Между ними там и сям виднелись их хозяева – они тоже или спали, или стерегли своих животных. Затем две семьи спустились по склону двора и медленно, повинаясь неповоротливости своих животных, вышли на дорожку, извивавшуюся по направлению к сырому известковому утесу.

– Мы идем к пещере, – пояснил Иосиф.

Проводник замедлил шаги, дожидаясь, пока Мария поравняется с ним.

– Пещера, в которую мы идем, – сказал он ей, – служила Давиду убежищем. Вот с того поля и от колодца, что в долине, он сгонял сюда свои стада, а после, когда стал царем, возвратился сюда, в старый дом, чтобы отдохнуть и в покое насладиться богатством. Ясли с тех пор остались нетронутыми. Спать на полу лучше, чем во дворе или при дороге. А вот и дом, за ним пещера.

Речь эта не должна быть принята за обычную в подобных случаях похвалу предлагаемого жилища. В этом не было нужды – место действительно было из лучших. Посетители принадлежали к простому народу, не избалованному жизнью, и к тому же для еврея того времени укрыться в пещере было делом самым обыкновенным. Сколько выдающихся событий в еврейской истории произошло в пещерах! К тому же все наши путешественники принадлежали к вифлеемским евреям, которым менее всего могло показаться странным провести так ночь, ибо их местность изобиловала пещерами. Для них не могло быть ничего оскорбительного и в том, что пещера, в которую они шли, когда-то, а может и теперь, служила хлевом. Все они происходили из племени пастухов, деливших со своими стадами и странствия, и места ночлегов, поэтому они весело следовали за привратником, с любопытством глядя на дом: все, что связано с именем Давида, интересовало их.

Строение это было низким и не имело окон, оно крайне незначительно отступало от скалы, к которой было прислонено своей задней частью. В передней его части была вымазанная желтой глиной дверь, вращавшаяся на огромных петлях.

Путники вошли и изумились. Вскоре они рассмотрели, что дом служит прикрытием для входа в естественную пещеру или грот. Свет из отворенной двери падал на неровный пол, освещая груды зерна, сена и домашнюю утварь, занимавшие середину пещеры. По стенам были устроены невысокие каменные ясли для овец. Стойл или каких бы то ни было перегородок не существовало. Пыль и мякина покрывали пол и толстым слоем лежали на паутине, грязными нитями спускавшейся с потолка. Когда-то место это было чисто и не уступало сводчатым любинам (арочный пролет галереи) канны, ведь пещера и послужила образцом для любин.

– Войдите! – сказал проводник. – Распоряжайтесь всем, что здесь есть, как своей собственностью. Берите, что вам надо!

Потом он спросил Марию:

– Будет ли тебе удобно здесь?

– Место это священо, – отвечала она.

– Так оставайтесь здесь. Мир да будет со всеми вами!

Путники занялись устройством своего жилища.

Падающая звезда

К вечеру жизнь в канне и вокруг нее стихла. То был священный девятый час, тот час, в который каждый израильтянин, благоговейно сложив руки на груди, молился, обратившись в сторону Иерусалима, час, в который приносилась жертва в храме на горе Мориа и Бог, как думали, присутствовал при этом жертвоприношении. Но вот молитва окончена, и одни спешат поесть, другие улечься на ночлег. Еще немного – и огни потушены, царит тишина, все спят.

Около полуночи кто-то из спавших на полу закричал:

– Что это за свет на небе? Проснитесь, братья, смотрите!

Многие поднялись и сначала не могли прийти в себя, но скоро сон отлетел от них – все были изумлены. Движение охватило и двор, и льюины. Все постояльцы канны глядели на небо.

Косой луч света с высоты, не достигающей и ближайших звезд, падал на землю. Луч этот в основании был широк, и края его незаметно сливались с мраком. В середине же он блистал сильным розовым блеском, на конце суживаясь до острия. Явление это, казалось, остановилось над ближайшей горой, образовав бледно-желтую корону над ее вершиной.

Удивление тем временем сменилось благоговением и страхом. Робкие дрожали, более смелые говорили шепотом:

– Быть может, это падающая звезда?

– Когда звезда падает, она потухает.

– Я знаю, что это! – вскрикивает с уверенностью третий. – Пастухи приметили льва и зажгли огонь, чтобы отпугнуть его от стада.

– Да, да, именно это! Стада пасутся там, в долине за горой.

Наступило молчание, прерванное восклицанием одного еврея почтенной наружности:

– Братья, – сказал он, – это лестница, которую наш отец Иаков видел во сне. Да будет благословен Бог отцов наших!

Великая ночь

В полутора или двух милях от Вифлеема есть долина, отделенная от города горным отрогом. Она хорошо защищена от ветров, покрыта богатой растительностью, среди которой выступают дикая смоковница, малорослые дубы и сосны. Доли же и рвы, прилегающие к ней, поросли густыми оливковыми и тутовыми кустарниками.

Несколько пастухов, отыскивая место для выпаса скота, завели его в эту долину. И вот с раннего утра рощи и перелески оглашаются криками пастухов, ударами бича, звоном колокольчиков, блеянием, мычанием и лаем. На закате пастухи погнали скот к загону и с наступлением ночи разожгли костер, скромно поужинали и расположились отдохнуть и поболтать между собой, оставив одного пастуха сторожить.

С уходом сторожевого у огня остались шесть человек. Одни из них сидели, другие лежали на земле. Так как обыкновенно они ходили с обнаженными головами, то волосы их сбились в грубые, выжженные солнцем копны, и спутанные бороды закрывали их шеи и падали на грудь. Они были до колен закутаны в плащи из кожи телят и ягнят шерстью наружу, руки оставались голыми. С правого плеча каждого свешивалась сумка с пищей и камнями, годными для бросания из пращи, которой они были вооружены. На земле около каждого из них лежал посох, символ их звания и орудие защиты.

По наружности грубые и дикие, на самом деле иудейские пастухи были простодушными и сердечными людьми. Эти качества лишь отчасти можно приписать их первобытному образу жизни, главным же образом – их постоянной заботе о существах беспомощных и любимых ими.

Они отдыхали и разговаривали: предметом разговора были стада. Рассказы их были переполнены подробностями самых ничтожных событий. Если кто-нибудь из них рассказывал, например, о пропаже ягненка, то не пропускал ни малейшей детали, и в этом нет ничего удивительного, стоит только вспомнить об узах, связывавших пастуха с этим пропавшим ягненком. Великие события, слух о которых случайно достигал их ушей, события, сметающие с лица земли целые нации и изменяющие течение истории, были для них ничтожными пустяками. О деятельности Ирода, о постройке им дворцов и училищ и о допущении запрещенных обычаев они узнавали стороной. Рим в те времена не имел обыкновения прислушиваться к голосу народа, он действовал самостоятельно.

Однако эти простые и грубые люди обладали своеобразными мудростью и знанием.

По субботним дням они принимали опрятный вид и шли в синагоги, где усаживались на самых дальних скамьях. Никто усерднее их не целовал Тору, когда ее обносил хазан (человек, руководящий пением молитвы), никто с более сильной верой не вслушивался в Священное Писание, не выносил больше них из проповеди старейшин, и уж во всяком случае никто больше них не думал после об этой проповеди. Все учение и весь закон для этих простых людей заключались в том, что Господь их един и что они должны любить Его всей душой, и они любили Его. В этом и состояла их мудрость, превосходящая мудрость царей.

Разговор пастухов продолжался недолго: не прошла еще и первая стража, как все они один за другим заснули тут же, у костра.

Как всегда бывает зимой в гористых местностях, ночь стояла ясная и холодная. Небо сияло звездами, воздух был необыкновенно прозрачен. Было тихо, но тишина эта происходила не только от безветрия: это было святое молчание, предупреждение о том, что небо нисходит и несет внемлющему благую весть.

У дверей, крепко закутавшись в плащ, ходил сторожевой. По временам он останавливался, заметив движение в стаде или заслышав за горой вой шакала. Медленно приближалась полночь, но вот наступила и желанная минута: он исполнил свою обязанность, пора на покой. Сейчас он ляжет и проспит до утра без всяких снов, как спят все труженики. Он уже двинулся

к огню, но остановился, заметив какой-то необыкновенный свет – мягкий, белый, похожий на лунный. Свет усиливался, предметы, которые перед тем нельзя было различить, стали видны. Острый холод, превосходящий холод морозного воздуха, пронизал его. Он взглянул на небо: звезд не было видно, и свет исходил как будто из разверзшихся небес. Пока он смотрел, свет, все усиливаясь и усиливаясь, превратился в блеск, и сторожевой в ужасе закричал:

– Вставайте, вставайте!

Собаки вскочили и с воем разбежались. Испуганный скот сбился в кучу. Люди поднялись на ноги с оружием наготове.

– Что такое?

– Смотрите – небо горит.

Свет сделался нестерпимо ярким. Пастухи закрыли глаза и опустились на колени, сердца их сжались от ужаса, и они пали ниц, бледные, в состоянии, близком к обмороку, и, наверное, умерли бы от страха, если бы не голос, говоривший им: «Не бойтесь!»

Они стали прислушиваться.

– Не бойтесь: я возвещаю вам великую радость для всех людей.

Голос тихий и внятный проник им в души и вселил уверенность. Они приподнялись на колена и, с благоговением подняв взоры, увидели перед собой человека, окруженного великим сиянием: он был в одеянии нестерпимой белизны, над плечами его виднелись вершины блестящих сложенных крыльев. Он простер к ним руки, как бы благословляя их. Лицо его сияло божественной красотой.

Им часто приходилось слышать и самим говорить об ангелах. Теперь они с уверенностью говорили себе: «С нами Бог, а это тот, кто некогда являлся пророку на реке Улай».

Ангел же говорил: «...ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь...» (Евангелие от Луки 2:11).

Он смолк, как бы выжидая, когда слова его запечатлеются в их душах.

– И вот вам знак! – продолжал провозвестник. – Вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях.

Он смолк: благая весть, принесенная им, была сообщена. Свет, окружавший его, вдруг сделался розовым и начал мерцать, и в то же время на высоте, едва доступной человеческому взору, стали видны взмахи крыльев и послышалось пение множества голосов: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение».

Провозвестник поднял свой взор, внемля кому-то в недоступной вышине. Крылья его начали плавно и величественно расправляться, сверху они были белы, как снег, снизу же блистали радужными цветами перламутра. Когда они расправились совсем, он легко поднялся с земли и исчез из виду, окруженный сиянием. Долго еще после того, как он исчез, с неба доносилось славословие, постепенно делаясь все тише и тише: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение».

Когда пастухи пришли в себя, они с недоумением глядели друг на друга, пока один из них не произнес:

– То был Гавриил, посланник Бога.

Все промолчали.

– Он сказал, что Бог Христос родился!

– Он сказал и то, что это произошло в городе Давида – стало быть, в нашем Вифлееме – и что мы найдем там младенца в пеленах, лежащего в яслях.

Первый из говоривших смотрел задумчиво на огонь и наконец, словно найдя искомое, произнес:

– Только в одном месте в Вифлееме есть ясли. Это в пещере близ старой канны.

– Братья, пойдемте посмотрим, что там. Старейшины и ученые давно уже ищут Христа. И вот Он родился, и Бог дал нам знамение, по которому мы узнаем Его. Пойдемте, поклонимся Ему.

– А как же стада?

– Бог позаботится о них. Спешим!

Они все разом оставили загон, обошли гору и через город проникли к воротам канны, у которых стоял привратник.

– Что вам надо? – спросил он.

– Нынешней ночью мы видели и слышали великое знамение, – ответили они.

– И мы сегодня видели знамение, но ничего не слышали. Что же вы слышали?

– Дозволь нам пройти в пещеру, которая в ограде, чтобы увериться в слышанном: «Родился Христос», потом мы тебе все расскажем. Пойдем с нами, увидишь и сам.

Привратник презрительно засмеялся.

– А если и Христос, так как же вы узнаете Его?

Они прошли двором, не обратив на себя внимания, хотя многие еще не спали, разговаривая о чудесном свете. Дверь в пещеру была отперта, и внутри виднелся свет от фонаря.

– Мир вам, – сказал привратник Иосифу и бет-дагониту. – Эти люди разыскивают младенца, родившегося нынешней ночью.

В этот момент простодушное лицо Иосифа выразило волнение, и он сказал:

– Вот тут дитя.

Он провел их к яслям, в них действительно лежал ребенок. Принесли фонарь, и пастухи в молчании остановились возле яслей.

– Где же мать? – спросил привратник.

Одна из женщин, взяв на руки ребенка, подошла к Марии, лежавшей неподалеку, и вручила ей младенца.

– Это и есть Христос, – сказал один из пастухов.

– Христос! – повторили все, упав с молитвой на колени.

Один из них произнес:

– Это Бог, и слава Его превыше неба и земли.

Поцеловав полы платья Марии, эти простые люди удалились с сердцами, переполненными радостью. В канне они рассказали теснившемуся вокруг них народу обо всем, происшедшем с ними. На обратном пути они все время повторяли: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение!»

В последующие дни пещера посещалась многими любопытствующими: некоторые поверили, большинство же отнеслось с сомнением.

Три волхва

В одиннадцатый день от рождения младенца три волхва приближались по Сихемской дороге к Иерусалиму. Переехав Кедронский поток, они стали чаще встречать народ.

Иудея по необходимости служила международной дорогой. Это обстоятельство было источником ее богатств: Иерусалим мог облагать пошлиной весь товар мимо идущих торговцев. Нигде, кроме Рима, не собиралось такое множество народа, как в Иерусалиме, и нигде иностранец не привлекал к себе столь ничтожное внимание горожан. И все-таки эти три человека возбуждали интерес у всех.

При дороге сидели несколько женщин. Ребенок одной из них, увидев путешественников, захлопал в ладошки и закричал:

– Смотрите, смотрите: вот так колокольчики! Какие большие верблюды!

Колокольчики на верблюдах были серебряные, сами же верблюды были огромные и белые, их упряжь говорила о долгом путешествии по пустыне и указывала на богатство хозяев. Но не колокольчики, не верблюды и не их упряжь, точно так же, как и не сами путники, вызывали изумление: изумлял всех вопрос, задаваемый человеком, ехавшим на переднем верблюде.

С севера дорога к Иерусалиму идет через равнину, постепенно понижающуюся к югу, так что Дамасские ворота находятся как бы в углублении. Дорога узка, но хорошо укатана многочисленными путешественниками, только кое-где булыжники, обнаженные дождевыми потоками, мешают идти по ней. Справа и слева от нее видны поля и роскошные оливковые рощи, что делает дорогу прекрасной, в особенности же для путешественников, оставивших за собой необъятный простор пустыни. На этой-то дороге, у гробницы, три путника встретили людей, шедших им навстречу, и остановились перед ними.

– Добрые люди, – сказал Валтасар, поглаживая бороду и несколько склонившись с сиденья, – до Иерусалима ведь уже недалеко?

– Да, – отвечала женщина с ребенком на руках. – Если бы не мешали те деревья на холме, можно было бы увидеть башни рынка.

Валтасар переглянулся с греком и индусом и спросил:

– Где здесь новорожденный Царь иудеев?

Женщины посмотрели друг на друга и ничего не ответили.

– Вы разве не слышали о Нем?

– Нет.

– В таком случае расскажите всем, что мы видели Его звезду на востоке и пришли поклониться Ему.

Тот же вопрос путники задавали многим, но одинаково безуспешно. Встретившаяся им по пути к гроту Иеремии толпа так сильно была удивлена их видом и вопросом, что последовала за ними обратно в город.

Путешественники совсем не обращали внимания на окружающее, а вид, открывшийся перед ними, стоил того, чтобы залюбоваться им. Невдалеке располагалась деревня, за ней стена с сорока высокими массивными башнями. Вдали красовался Сион, высочайший из холмов, увенчанный мраморными дворцами. Храм на горе Мориа, считавшийся одним из чудес, блистал своими террасами, и царственные горы, окружая Священный Город, образовали как бы громадную чашу, на дне которой стоял Иерусалим.

Наконец дромадеры подошли к высокой башне над Дамасскими воротами, где сходились дороги из Сихема, Иерихона и Гаваона. Толпа, следовавшая за верблюдами, успела к этому времени возрасти. Валтасар остановился для переговоров с часовым.

– Мир тебе! – сказал египтянин.

Часовой не ответил.

– Мы пришли издалека в поисках новорожденного Царя иудеев. Не можешь ли ты указать нам, где Он находится?

Солдат поднял забрало своего шлема и громко крикнул. Из помещения с правой стороны ворот появился офицер.

– Дорогу! – кричал он, пробиваясь сквозь толпу, и так как ему повиновались неохотно, он прочистил себе дорогу, быстро вертя дротиком направо и налево.

– Что тебе надо? – обратился он к Валтасару на местном наречии.

На том же языке Валтасар отвечал ему:

– Где здесь новорожденный Царь иудеев?

– Ирод? – спросил сбитый с толку офицер.

– Царствование Ирода от кесаря: не Ирода нам надо.

– У иудеев нет другого царя.

– Но мы видели Его звезду на востоке и пришли поклониться Ему.

Римлянин недоумевал.

– Спросите ученых в храме или первосвященника Анну, – наконец произнес он, – а лучше всего самого Ирода. Если есть, кроме него, царь иудеев, он разыщет его.

Офицер пропустил чужестранцев, и те прошли в ворота.

Собрание синедриона²

В тот же вечер перед закатом солнца несколько женщин стирали белье на верхней ступеньке лестницы, спускавшейся к бассейну Силоамской купели. Каждая из них стояла на коленях перед большим глиняным сосудом. Девушка приносила им воду. Она пела, черпая ее. Песня была веселая и, без сомнения, облегчала им труд. По временам они присаживались и смотрели на Офелский склон, из-за которого возвышалась гора Соблазна, окрашенная нежными красками под лучами заходящего солнца.

В то время как они терли и полоскали белье, к ним подошли еще две женщины с кувшинами на плечах.

– Мир вам, – сказала одна из них. – Ночь близко, пора кончать.

– Говорят, родился Христос, – отозвалась другая и приготовилась рассказывать.

Любопытно было посмотреть на оживление, которое выразилось на лицах работниц. Перевернув тазы, они быстро превратили их в сиденья.

– Христос! – вскричали слушательницы.

– Да, говорят, что Он.

– Кто же говорит?

– Да все.

– А верят-то все ли?

– Сегодня к вечеру три человека через Кедронский поток выехали на Сихемскую дорогу, – обстоятельно, дабы уничтожить всякое сомнение, начала рассказ одна из женщин. – Они ехали на совершенно белых и таких высоких верблюдах, каких в Иерусалиме и не видали. Путники эти – люди знатные и богатые. Пряжки на их седлах были золотые, а серебряные колокольчики звучали, как настоящая музыка! По-видимому, они пришли издалека. Один из них обращался даже к женщинам и детям с одним неизменным вопросом: «Где Царь иудеев?» Никто не понимал, чего они хотят. Так проходили они, говоря: «Мы видели Его звезду на востоке и пришли поклониться Ему». В воротах они обратились с тем же вопросом к римлянину. Он же, понимая не более простонародья, направил их к Ироду.

– Где же они теперь?

– В канне. Множество народу идет посмотреть на них.

– А кто они?

– Никто не знает. Говорят, что это персидские мудрецы-гадатели по звездам, а может быть, пророки вроде Илии и Иеремии.

– Кого же они разумеют Царем иудеев?

– Христа. Он будто бы только что родился.

Одна из женщин засмеялась:

– Если я Его увижу, я уверю в Него.

Другая последовала ее примеру:

– И я также, – сказала она, – если увижу, что Он воскрешает мертвых, уверю.

Третья спокойно заметила:

– Давно уже предвещали Его пришествие. Для меня достаточно было бы увидеть, что Он исцелил хотя бы одного прокаженного.

Так в разговорах они просидели до самого наступления ночи, когда холодный воздух разогнал их по домам.

Вечером во дворце на Сионской горе состоялось собрание приблизительно пятидесяти лиц, никогда не собиравшихся иначе как по приказу Ирода, и то когда последнему требовались

² Синедрион – верховный суд в древней Иудее.

разъяснения каких-либо запутанных мест еврейской истории и права. Короче, это было собрание наиболее известных своей ученостью учителей и первосвященников, спокойных и мягкоречивых философов-стоиков, социалистов ессеев, саддукеев и фарисеев. Собрание состоялось в одном из внутренних залов дворца, украшенном в римском стиле. Мозаичный пол был выложен мраморными плитами в виде шахматной доски, стены без окон украшали фрески с панелями шафранно-желтого цвета. Диван с подушками занимал середину комнаты и имел форму буквы U, обращенной раскрытым концом ко входной двери. В излучине дивана помещался большой бронзовый треножник изящной работы с инкрустацией из золота и серебра, над ним с потолка спускалась люстра с семью светильниками.

На диване сидели люди, по большей части почтенных лет. Бороды обрамляли их лица с крупными носами, большие черные глаза были резко оттенены черными бровями. Держали они себя с достоинством, подобно патриархам. Словом, это было заседание синедриона.

Человек, сидевший перед треножником во главе дивана, имея по обеим сторонам остальных присутствующих, был, очевидно, главой собрания и потому наиболее заслуживает внимания читателя.

Он был высокого роста, но страшно сморщенный и сторбившийся. Его белое платье складками спадало с плеч, не обнаруживая никаких намеков на мускулы. Руки, наполовину скрытые шелковыми рукавами, покоились на коленях. Когда он говорил, большой палец правой руки по временам конвульсивно вздрагивал, и казалось, что это было единственное движение, на которое он способен. Но голова его была великолепна. Редкие волосы, как тонкие серебряные нити, обрамляли его затылок; на широком, совершенно обнаженном черепе кожа была ослепительна: виски глубоко впали, отчего лоб резче выступал вперед, словно неприступная скала; глаза были бесцветны и тусклы; нос приплюснут; вся нижняя часть лица закрыта длинной почтенной бородой, как у Аарона. Таков был вавилонянин Гиллель! В Израиле ученые давно сменили пророков, он же считался первым по своей учености во всем, кроме божественного откровения. Хотя ему было уже 106 лет, он все еще состоял главой большого училища.

Шли дебаты, но в описываемый момент собрание уже пришло к решению, и каждому, по-видимому, хотелось отдохнуть. Почтенный Гиллель позвал юного слугу.

– Поди скажи царю, мы готовы дать ему ответ.

Мальчик поспешно удалился.

Спустя некоторое время в помещение вошли два офицера и встали по обе стороны дверей. За ними медленно появился старик поразительной внешности, одетый в опушенную багрецом пурпурную мантию, охваченную в талии золотым поясом такой тонкой работы, что он сгибался, как кожа. Пряжки башмаков искрились драгоценными камнями. Узкий филигранный венец красовался над тарбушем из нежнейшего бархата. Вместо печати с его пояса свешивался кинжал. Старик шел прихрамывая, тяжело опираясь на посох. Он направился прямо к дивану, все время смотря в пол, потом, как бы вспомнив, что он перед собранием, и пробуждаясь в его присутствии, выпрямился и надменно обвел глазами собрание, как будто подозревая во всех присутствующих своих врагов. Мрачен, подозрителен и грозен был его взгляд. Таков был Ирод Великий – с телом, изнуренным болезнями, с совестью, запятнанной преступлениями, с богато одаренным умом, с душой, родственной кесарю. Уже шестидесятилетним стариком он бдительно охранял свой трон и был безжалостным деспотом.

В собрании произошло общее движение: одни приветствовали его салютом, другие почтительно преклоняли колена, причем руки прикладывали к бороде или груди.

Осмотревшись, Ирод приблизился к треножнику.

– Ответ! – сказал царь с величавой простотой, обращаясь к Гиллелю и опираясь обеими руками на свой посох. – Ответ!

Глаза патриарха кротко засветились: подняв голову и глядя прямо в лицо вопрошавшему, он отвечал, сосредоточивая на себе все внимание присутствующих.

– О царь, да будет с тобой мир Бога Авраама, Исаака и Иакова! – так начал он и затем продолжил:

– Ты спросил нас о том, где должен родиться Христос?

Царь утвердительно кивнул головой. Его злые глаза были по-прежнему устремлены на Гиллеля.

– Слушай же, царь: говоря от себя и от лица всех присутствующих братьев, я утверждаю, что Христос родится в Вифлееме Иудейском, ибо так написано у пророка: «...И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля» (Евангелие от Матфея 2:6).

Лицо Ирода было беспокойно, глаза его блуждали. Он думал. Все затаили дыхание. Наконец, он повернулся и вышел из комнаты.

– Братья, – сказал Гиллель, – мы можем разойтись.

Присутствующие поднялись и стали расходиться.

– Симон, – сказал снова Гиллель.

Человек лет пятидесяти, но по виду совершенно юноша, откликнулся на его голос и подошел к нему.

– Дай мне твою руку, пойдем к носилкам.

Сильный человек наклонился, старик дряблыми руками оперся на него и, встав, колеблющимися шагами направился к двери. Так удалились знаменитый Гиллель и Симон, его сын, наследник мудрости, учености и сана своего отца.

Позже вечером волхвы лежали в льюине канны. Камни служили им изголовьями. Наблюдая мерцание звезд, они мечтали о предстоящем: «Как это должно случиться? Как это случится?» Они уже достигли Иерусалима: они заявили о рождении Христа, они искали Его, все свои упования возлагая на Святого Духа.

Волхвы еще пребывали в мечтаниях, как вдруг вошел человек и, остановившись у входа, заслониł им свет.

– Проснитесь! – сказал он. – Я явился к вам с неотложным поручением.

Все поднялись.

– От кого? – спросил египтянин.

– От царя Ирода.

Всех бросило в дрожь.

– Ты управляющий канны? – робко спросил Валтасар.

– Да.

– Чего желает от нас царь?

– Он сам сообщит вам. Посланник его за воротами.

Они поднялись, надели сандалии, облеклись в плащи и вышли навстречу посланнику.

– Приветствую вас, да будет над вами мир. Прошу вас меня простить: мой властелин, царь, послал меня к вам, чтобы пригласить вас во дворец, где он желал бы переговорить с вами наедине.

– Желания царя для нас закон, – заметил Валтасар посланнику. – Мы последуем за тобой.

Затем египтянин подошел к управляющему и сказал ему на ухо:

– Тебе известно, где во дворце сложены наши вещи и где помещаются наши верблюды. Нельзя ли во время нашего отсутствия приготовить все это к нашему отъезду, если того потребуют обстоятельства?

– Ступайте и положитесь на меня, – отвечал управляющий.

Следуя за своим провожатым, волхвы шли в глубоком молчании. Тускло мерцали звезды, их свет еще более скрадывался стенами по обеим сторонам дороги. Улицы Святого города тогда были так же тесны, как и теперь, но не так неровны, потому что великий строитель,

не удовлетворяясь требованиями одной красоты, придавал большое значение опрятности и удобству.

При свете огней они мельком оглядели здание дворца и неподвижных стражей, затем смело вошли внутрь. Им пришлось проходить по залам со сводами, через дворы, между колоннад, не всегда освещенных, подниматься на высокие лестницы, минуя бесчисленные коридоры и служебные помещения. Наконец, их ввели в высокую башню. Проводник остановился и, указывая на растворенную дверь, сказал им:

– Входите, там царь.

Воздух в зале был пропитан благоуханием сандала, и все здесь дышало негой. На полу был разостлан мохнатый ковер, на нем возвышался трон. Смущенные посетители, однако, имели время мельком разглядеть резные вызолоченные оттоманки и диваны, опахала, драгоценные сосуды, музыкальные инструменты, золотые подсвечники, стены, расписанные в стиле сладострастной греческой школы, один взгляд на которые заставил бы фарисея отвернуться в священном ужасе.

Они приблизились к краю ковра и пали ниц. Царь позвонил. Вошел служитель и поставил перед троном три скамьи.

– Садитесь, – милостиво сказал им монарх и, когда они уселись, продолжил: – Сегодня я получил известие о прибытии через северные ворота трех чужеземцев. Вы ли это?

Египтянин, переглянувшись с греком и индусом, отвечал с глубоким салямом:

– Если бы то были не мы, не послал бы за нами могущественный Ирод, слава которого, подобно фимиаму, наполняет весь мир. Без всякого сомнения, эти чужеземцы – мы.

Ирод одобрительно махнул рукой.

– Кто вы? Откуда пришли? – спросил он и многозначительно прибавил: – Пусть каждый говорит за себя.

Поочередно все отвечали ему, указывая только на место своего рождения и рассказывая, какими дорогами они пришли в Иерусалим. Ирод, немного разочарованный, спросил более прямо:

– Какой вопрос вы задали в воротах офицеру?

– Мы спросили его, где родившийся Царь иудеев.

– Мне ясно теперь, почему народ так заинтересовался вами. Вы и во мне возбуждаете не меньшее любопытство. Разве существует царь иудеев, кроме меня?

Египтянин не пытался увильнуть.

– Он недавно родился.

На сумрачном лице монарха, как бы под влиянием мучительных воспоминаний, выразилось страдание. Перед ним, взывая о мести, встали призраки убитых им детей. Несколько оправившись от волнения, он резко спросил:

– Где новый царь?

– Об этом-то, царь, мы и вопрошаем.

– Вы являетесь с загадкой, более трудной, чем те, разрешать которые приходилось Соломону, – заметил Ирод и затем продолжал:

– Я уже в том возрасте, когда любопытство так же непреодолимо, как и в детские годы, и когда издеваться над ним жестоко. Сообщите мне все, что вы знаете о Нем, и я окружу вас почестями, какие царь воздает царю. Говорите, что известно вам о новорожденном, и я присоединюсь к вам в поисках Его, а когда мы Его найдем, исполню все, что вы пожелаете. Я перевезу Его в Иерусалим, научу искусству царствовать, воспользуюсь расположением ко мне кесаря, чтобы упрочить Его славу. Клянусь, между нами не будет места зависти. Но скажите мне, как вы узнали об этом в одно и то же время, несмотря на то что моря и пустыни отделяли вас друг от друга?

– Я скажу тебе, царь, всю правду.

– Говори, – ответил царь.

Валтасар выпрямился и торжественно сказал:

– Существует всемогущий Бог!

Ирод заметно вздрогнул.

– Он заповедал нам идти сюда, обещая, что здесь мы найдем Спасителя мира, узрим Его, поклонимся Ему и засвидетельствуем то, что Он явился в мир. В знак этого каждому из нас дано было видеть звезду, а Дух Божий пребывал с нами. О царь, Дух Его и теперь не покидает нас!

Сильное чувство овладело всеми троими. Пристальный взгляд Ирода быстро перебежал от одного к другому. Он относился к ним все более подозрительно.

– Вы издеваетесь надо мной? – сказал он. – Если нет, то скажите, что последует за пришествием нового царя.

– Спасение людей от их несчастья.

– Каким образом?

– Угодными Богу путями: верой, любовью и добрыми делами.

– В таком случае, – Ирод остановился, но затем продолжил: – Вы предвозвестники Христа? В этом ваше назначение?

Валтасар низко поклонился.

– Мы всегда готовы служить тебе, царь.

Монарх позвонил, и явился слуга.

– Принеси дары, – сказал Ирод.

Слуга удалился и, возвратившись через некоторое время, стоя на коленях перед гостями, подал каждому из них по верхнему платью из алой и синей материи и золотому поясу.

Они, согласно восточному обычаю, выразили благодарность за оказываемые почести, пав ниц.

– Еще одно слово, – сказал Ирод, когда кончилась эта церемония. – Вы говорили офицеру у ворот, а теперь и мне, что видели звезду на востоке. Когда она появилась?

– Когда мы получили повеление идти сюда.

Ирод встал, давая этим понять, что аудиенция окончилась. Сойдя с трона, он милостиво сказал:

– Мне кажется, ученые мужи, что вы действительно предвозвестники только что родившегося Христа. Знайте, что я в эту ночь советовался с еврейскими мудрецами, и они единогласно говорят, что Он должен родиться в Вифлееме Иудейском. Идите туда, старательно ищите дитя и, когда вам удастся найти Его, дайте мне знать, чтобы я мог прийти поклониться Ему. На своем пути вы не встретите никаких препятствий, никаких помех. Идите с миром!

И, накинув край мантии на плечо, он оставил комнату. Явился проводник и повел их обратно на улицу, оттуда в канну, при входе в которую грек внезапно сказал:

– Отправимся, братья, в Вифлеем, как советует царь.

– Да, – воскликнул индус, – Дух пылает во мне.

– Пусть будет так, – подхватил с горячностью Валтасар, – верблюды готовы.

Одарив привратника и справившись о дороге к Яффским воротам, они сели на верблюдов и отправились в путь.

Трое волхвов выехали за город, на дорогу, по которой так недавно еще проходили Иосиф и Мария. Когда они выбрались из Гиннома на Рафаимскую равнину, показался бледный свет, охвативший большое пространство. Свет становился все ярче. Сердца их сильно забились, они закрыли глаза от нестерпимого блеска луча. Когда они дерзнули взглянуть опять, – удивительно! – звезда, низко спустившись, тихо двигалась перед ними. Тогда они, скрестив руки, возликовали, и их радости не было границ. «С нами Бог!» – повторяли они всю дорогу, пока звезда не остановилась над одним из домов на склоне.

Поклонение волхвов

В начале третьей стражи на восточных холмах Вифлеема уже забрезжило утро, в долине же все еще царила ночь. Сторож на крыше старой канны, озябнув на свежем воздухе, прислушивался к первым различимым звукам, которыми просыпающаяся жизнь приветствует зарю. Вдруг он заметил свет, направлявшийся к дому с холма. Вначале он подумал, что это идет человек с факелом в руке, потом – что это метеор, но что бы то не было, а свет становился все ярче и наконец оказался звездой. Страшно испуганный, он закричал, созывая людей. Свет же все приближался. Деревья, дорога, скалы были освещены, как при блеске молнии. Свет становился ослепительным. Более робкие из зрителей пали на колени и молились, закрывая руками лицо, храбрые время от времени открывали глаза и бросали взгляд на загадочный свет. Звезда стояла прямо над домом перед пещерой, в которой родилось дитя.

В это самое время волхвы у ворот канны сошли с верблюдов и попросили их пропустить внутрь. Привратник, как только оправился от страха настолько, чтобы их заметить, сейчас же отодвинул засовы и отворил ворота. При чудесном освещении верблюды производили впечатление призраков, а лица и фигуры путников, не говоря об их внешности иноземцев, дышали такой страстной восторженностью, что еще сильнее возбудили страх привратника: он отступил назад и некоторое время не в силах был ответить на их вопрос: «Это ли Вифлеем Иудейский?»

Начали подходить другие люди, и их появление помогло привратнику прийти в себя.

– Нет, это только канна, а город дальше, – ответил он.

– Нет ли здесь новорожденного дитя?

Присутствующие удивленно взглянули друг на друга, и некоторые ответили:

– Есть, есть!

– Проводите нас к Нему! – вскричал Валтасар и торжественно добавил: – Мы видели Его звезду, ту самую, которую вы видите над домом, и пришли поклониться Ему.

Народ последовал за чужеземцами. Их провели через двор и ввели в ограду. При виде звезды, все стоящей над пещерой, хотя уже менее ослепительной, чем прежде, некоторые в испуге ушли, большая же часть людей осталась с ними. Когда чужеземцы подошли к дому, звезда поднялась, а когда они были в дверях, она уже высоко стояла над головами и начинала пропадать. Когда же они вошли, звезда совершенно исчезла. У всех видевших это явление возникло убеждение в чудесной связи, с одной стороны, между звездой и чужеземцами, с другой – между звездой и некоторыми из находившихся в пещере. Когда дверь растворилась, народ толпой двинулся в помещение.

Комната освещалась фонарем, дававшим возможность чужеземцам увидеть мать с проснувшимся дитятей на коленях.

– Это твое дитя? – спросил Валтасар.

И та, для которой вся жизнь заключалась в этом младенце, Которого она носила под сердцем своим, подняв Его к свету, сказала:

– Да, это мой сын!

Они увидели дитя, похожее на других детей. Они пали ниц и поклонились Ему.

Спустя некоторое время они поднялись с колен и отправились к верблюдам, затем принесли дары, состоявшие из золота, ладана и смирны, и положили их перед ребенком, не переставая произносить благоговейные молитвы, в которых не было ни одного заранее придуманного слова, ибо мудрый знает, что молитва от чистого сердца всегда была, есть и будет вдохновенной песней. Они поклонились Ему без всякого сомнения.

Почему?

Их вера основывалась на знамениях, ниспосланных Тем, Кого мы с тех пор признаем за Отца, и им было вполне достаточно Его обещаний – они не спрашивали у Него о Его путях.

Немногие видели знамение и слышали обещание: мать, Иосиф, пастухи и три волхва, однако все уверовали одинаково. Это значит, что тогда еще Бог был – все, а Сын – ничто, но скоро настанет время, читатель, когда все знамения будут исходить от Сына, и счастливы те, кто тогда уверует в Него.

Часть 2. Иудея и Рим

Читателю необходимо перенестись через двадцать один год, к началу правления Валерия Грата, четвертого верховного правителя Иудеи, – в эпоху, памятную политическими волнениями, терзавшими тогда Иерусалим, и положившую начало последней распри между Иудеей и Римом.

В эти годы в Иудее произошли различные перемены, весьма важные во многих отношениях, в особенности же в политическом. Через год после рождения дитя Ирод Великий умер такой ужасной смертью, что христианский мир имел основание увидеть в этом проявление Божьей кары. Подобно всем великим правителям, занятым исключительно упрочением своей власти, он только и думал о наследственной передаче престола, то есть о том, чтобы стать основателем династии. С этой целью он оставил завещание, по которому вся территория Иудеи делилась между тремя его сыновьями: Антипом, Филиппом и Архелая, из которых последний наследовал титул отца. Завещание было отослано императору Августу, утвердившему все его пункты, но лишившему Архелая царского титула до тех пор, пока он на деле не проявит своих способностей и верности. Он назначил его этнархом (светский правитель Иудеи), и в этом звании ему дозволялось управлять страной девять лет, по истечении которых он за дурное управление и неспособность сдерживать разраставшиеся вокруг него беспокойные элементы был сослан в Галлию.

Кесарь не ограничился смещением Архелая – он начал преследовать граждан Иерусалима, задевая их гордость и растравляя щепетильность высокомерных служителей храма. Он присоединил Иудею к Сирийской префектуре, низведя ее до степени римской провинции. Таким образом, вместо царя, управлявшего из дворца, оставленного Иродом на Сионской горе, город попал в руки второстепенного правителя, определяемого по назначению и называемого прокуратором (в эпоху империи управляющие крупными имениями или небольшими провинциями). Прокуратор сносился с римским двором через легата от Сирии, имевшего резиденцией Антиохию. Чтобы сделать унижение еще более чувствительным, прокуратору не позволялось избирать своим местожительством Иерусалим – его резиденцией была назначена Кесария. Самая несчастная, самая угнетенная, самая ненавистная из всех стран света – Самария была присоединена к Иудее как ее часть. Какие невыразимые страдания должны были испытывать фанатичные сепаратисты, или фарисеи, видя, как в присутствии прокуратора их унижали и осмеивали ханжи Гаризима.

В чередe несчастий единственным утешением униженному народу служил первосвященник, занимавший дворец Ирода и имевший при себе нечто вроде двора. Действительная его власть была очень невелика. Право помилования приговоренного к смерти принадлежало прокуратору. Правосудие отправлялось только согласно декретам из Рима. Царское помещение было занято императорским сборщиком податей и его штатом: регистраторами, мытарями, доносчиками и шпионами. В утешение мечтающим о свободе можно было указать, что главным лицом во дворце все-таки был еврей. Одно его присутствие там постоянно напоминало им заветы и обещания пророков и воскрешало в памяти те времена, когда Иегова управлял народом через сынов Аарона, и было знаком того, что Бог не покинул их. Так они жили надеждами, терпеливо ожидая великого сына Иуды, который придет править Израилем.

Иудея была римской провинцией более восьмидесяти лет – период, вполне достаточный кесарям, чтобы ознакомиться с особенностями народа или, по крайней мере, узнать, что Иудеей, несмотря на всю гордость евреев, можно управлять спокойно только при одном условии – уважении к их религии. Придерживаясь такой политики, предшественники Грата старательно воздерживались от вмешательства в религиозные дела своих подданных. Но Грат поступил иначе: одним из первых его официальных актов было лишение Анны сана первосвя-

щенника и назначение на его место Измаила, сына Фаба. Исходил ли этот акт от Августа или от самого Грата, но нетактичность его скоро сделалась очевидной.

В это время в Иудее было две партии: партия благородных (саддукеи) и народная партия (фарисеи-сепаратисты). После смерти Ирода обе партии заключили союз против Архелая. Везде и всюду они воевали с ним: иногда посредством интриг, иногда с оружием в руках, и не раз святые обители на горе Мориа оглашались криками сражающихся. В конце концов, Архелай был отправлен в ссылку, а между тем во время этой борьбы союзники преследовали разные цели: благородные ненавидели первосвященника Иозара, сепаратисты же, напротив, были его ревностными приверженцами. Когда с Архелаем закончилась династия Ирода, Иозару тоже пришлось удалиться. Благородные выбрали на этот важный пост Анну, и вследствие этого союзники разделились.

В борьбе с несчастным этнархом благородные пытались установить тесные отношения с Римом. Предвидя, что за падением династии должна последовать другая форма правления, они настаивали на превращении Иудеи в провинцию. Этот факт послужил сепаратистам лишним предлогом для нападения, и когда Самарию сделали частью провинции, благородные остались в меньшинстве, не зная, на что опереться, кроме императорского двора, своих чинов и богатства, однако в течение пяти лет до наместничества Грата они сумели удержаться и во дворце, и в храме. Анна пользовался властью в интересах своего царственного патрона. Римский гарнизон занимал башню Антония, римская стража охраняла ворота дворца, римская система налогообложения порабощала и город, и страну, римский судья отправлял гражданское и уголовное правосудие. Иудеи начинали понимать разницу между независимой жизнью и жизнью порабощенных, но при Анне жилось еще сравнительно спокойно – у Рима не было более верного друга, и Рим почувствовал это, когда его не стало.

Прокуратор Грат, оставшись без союзников, увидел, что пламя восстания, в течение пятнадцати лет окутанное густыми облаками дыма, начинает разгораться вновь. Через месяц Измаил занял свое место, и римлянин нашел нужным посетить его в Иерусалиме. Когда со стен города евреи заметили его стражу, входящую в северные ворота и направляющуюся к башне Антония, они поняли настоящую цель посещения: целая когорта легионеров была прибавлена к прежнему гарнизону, и петли ярма могли быть затянуты теперь безнаказанно. Горе человеку, который бы решился нанести оскорбление Измаилу!

Друзья детства

После сказанного в предыдущей главе можно пригласить читателя в один из дворцовых садов на Сионской горе.

Была середина июня, полдень, когда жара бывает особенно сильна. Сад со всех сторон окружался строениями, нередко двухэтажными, с верандами, покрывавшими тенью двери и окна нижнего этажа. Галереи, защищенные балюстрадами, украшали и охраняли верхний этаж. Там и сям эти здания переходили в красивые колоннады, не задерживавшие свободно разгуливавшего между ними ветра и позволявшие видеть сквозь них другие части строения, благодаря чему еще резче выступала их собственная грандиозность и красота.

Сад представлял собой также очень приятное зрелище: аллеи, зеленые поляны, кустарники, высокие деревья – редкие образцы пальм перемешивались с абрикосовыми деревьями и орешником. В центре сада помещался глубокий мраморный бассейн, в нескольких местах которого были устроены желобки, по ним вода спускалась в канавки, шедшие по краям садовых дорожек. Неподалеку был маленький пруд с чистой водой, осененный олеандрами, растущими на Иордане сплошь до Мертвого моря. На его берегу в тени сидели два юноши и серьезно разговаривали, не обращая внимания на палившее их солнце при полном отсутствии малейшего ветерка. Одному юноше было лет девятнадцать, другому – семнадцать. Оба были красивы, и с первого взгляда их можно было принять за братьев. У обоих были черные глаза, черные волосы и загоревшие лица. Они сидели, и разница в росте казалась столь же незначительной, как и разница лет.

У старшего голова была непокрыта, широкая серая туника из тончайшей шерстяной материи с красной опушкой, спускавшаяся до колен, составляла весь его костюм и указывала на его римское происхождение. Руки и ноги юноши были смуглы, как и лицо: тем не менее грация, тонкие черты лица, голос – все свидетельствовало о высоком положении. И если временами он смотрел свысока на своего товарища и обращался к нему как к низшему, то это объяснялось тем, что он происходил из семьи, считавшейся благородной даже в Риме, – обстоятельство, оправдывавшее в ту пору всякого рода заносчивость. В эпоху страшных войн между первым кесарем и его могущественными врагами один из рода Мессалы был другом Брута. Позднее, когда Октавий домогался императорской короны, Мессала поддерживал его. Сделавшись императором Августом, Октавий вспомнил услугу, оказанную ему Мессалой, и окружил почестями все его семейство. Когда же Иудея была превращена в провинцию, он послал сына своего старого приверженца в Иерусалим и вверил ему сбор и управление собираемыми в стране налогами. В этой же должности оставался потом его сын, деля дворец с первосвященником. Наш юноша был сыном этого Мессалы, ни на минуту не забывавшим отношения его дедушки к великим римлянам.

Внешний вид собеседника Мессалы был скромнее: его платье было из тонкого белого полотна, какое носили в Иерусалиме, голову покрывала ткань, поддерживаемая желтым шнуром. Наблюдатель, искусный в распознавании рас, обративший свое внимание скорее на черты его лица, нежели на костюм, тотчас же мог признать в нем еврея. Лоб римлянина был высок и узок, нос острый, орлиный, губы тонкие, прямые, глаза смотрели холодно. Напротив, у израильтянина лоб был низок и широк, длинный нос с расширенными ноздрями, верхняя губа, немного выдававшаяся над нижней, была коротка и изогнута в изящный угол, подобно луку Купидона. Все это вместе с круглым подбородком, глазами навывкате и румяными овальными щеками придавало его красивому лицу выражение мягкости и силы. Красота римлянина была строгая и целомудренная, красота еврея – роскошная и сладострастная.

– Неужели новый прокуратор придет завтра?

Вопрос по-гречески задал младший из друзей. Как это ни странно, но греческий язык получил в то время широкое распространение в высших кругах Иудеи, переходя из дворца в лагерь, а оттуда – неизвестно как – в храм, в самое святилище, не допуская ничего языческого.

– Да, завтра, – ответил Мессала.

– Кто тебе сказал?

– Я слышал, как Исмаил говорил это моему отцу прошлой ночью. Согласен, новость не заслуживала бы большего доверия, если бы исходила от египтянина – египтяне позабыли, что такое правда, или хотя бы от идумеянина – эти никогда не знали правды. Но, чтобы тебя совершенно уверить, скажу, что сегодня поутру видел центуриона (командир подразделения) из башни, и он рассказывал, что приготовления к приему продолжаются: оружейные мастера чистят шлемы и щиты, золотят орлы и шары, давно уже опустевшие комнаты приводятся в порядок – вероятно, ввиду увеличения гарнизона корпусом телохранителей высокой особы.

Нет возможности вполне описать стиль ответа – тонкие оттенки выражения всегда ускользают от власти пера, и читателю может помочь только воображение, а для этого он должен вспомнить, что вежливость как свойство римского ума почти исчезла. Философия уступала место религии, а сатира до такой степени замещала почтительность, что ее можно было встретить в любом разговоре, как приправу к мясу, как аромат в вине. Молодой Мессала, воспитывавшийся в Риме и только что возвратившийся оттуда, усвоил эти перемены. Едва заметное подергивание нижнего века, сопровождаемое решительным раздуванием ноздрей, было лучшим средством придать себе вид полного равнодушия ко всему окружающему. Паузы в разговоре как бы давали слушателю время хорошенько усвоить счастливую мысль говорившего или понять соль злой эпиграммы.

Такая пауза последовала и после намеков на египтянина и идумеянина. Краска, покрывшая щеки еврейского юноши, сделалась ярче. Может быть, он и не слышал последних слов, ибо оставался спокойным, рассеянно глядя в глубину пруда.

– Помнишь, в этом саду мы прощались. «Мир с тобой» были твои последние слова. «Да сохранят тебя боги», – сказал я. Сколько лет прошло с тех пор!

– Пять! – отвечал младший юноша, глядя в воду.

– Да, тебе есть за что благодарить... Кого? Ну, хоть богов, все равно. Ты стал красавцем, греки называли бы тебя прекрасным во цвете молодости! Если бы Юпитер нуждался в другом Ганимеди, какой бы прекрасный виночерпий вышел из тебя. Скажи мне, о мой Иуда, почему тебя так интересует приезд прокуратора?

Иуда устремил свои большие глаза на вопрошавшего – взгляд его был серьезен и задумчив. Встретившись с глазами римлянина, он отвечал:

– Да, пять лет. Я вспоминаю минуту разлуки: ты отправлялся в Рим, я видел, как ты волновался, я и сам плакал, потому что любил тебя. Годы прошли – и ты вернулся ко мне возмужавшим и величественным. Я не шучу – и все-таки... и все-таки мне хотелось бы видеть в тебе того Мессалу, с которым я тогда расстался...

Тонкие ноздри Мессалы насмешливо вздрогнули, и он протяжно сказал:

– Нет, нет, ты не Ганимед, мой Иуда, а оракул. Несколько уроков моего учителя риторики, живущего близ Форума, необходимы для тебя. Я дам тебе письмо к нему, если ты благоразумно согласишься послушаться совета, который, если помнишь, я тебе уже давал. Небольшая практика в искусстве все облекать в тайну – и дельфийцы примут тебя за самого Апполона. При первых звуках твоего божественного голоса Пифия снизойдет к тебе со своим венком. Но шутки в сторону, чем же непохож я на прежнего Мессалу? Я однажды слышал величайшего в мире логика, он учил искусству спорить, и одно из его положений гласило: пойми своего противника прежде, чем отвечать ему. Дай же мне возможность понять тебя.

Юноша покраснел под наглым взглядом, устремленным на него, но все-таки твердо отвечал:

– Я вижу, ты перенял от своих учителей немало знаний и умение выражать свои мысли. Ты говоришь с развязностью учителя, но в твоих словах скрывается насмешка. В характере Мессалы не было яда. Ни за что на свете он не оскорбил бы чувства дружбы.

Римлянин улыбнулся, как бы польщенный, и еще выше поднял свою патрицианскую голову.

– О мой торжественный Иуда, мы ведь не в Додоне, не у Пифии. Перестань изображать оракула, будь безыскусен. Но чем я тебя оскорбил?

Иуда глубоко вздохнул и, теребя шнур пояса, сказал:

– В течение пяти лет и я кое-что узнал. Гиллель, может быть, не сравнится с логиком, которого слышал ты; Симон и Шемайя, без сомнения, ниже твоего учителя близ Форума. Но их слушатели обогащают свой ум познанием Бога, закона и истории израильского народа, и следствием этого являются любовь и уважение ко всему, имеющему к ним отношение. Посещая высшую коллегию и изучая слышанное там, я понял, что Иудея – вовсе не то, что хотят из нее сделать. Я узнал, какая глубокая пропасть лежит между Иудеей, независимым царством, и Иудеей, маленькой провинцией, и был бы подл, если бы не принимал близко к сердцу унижение моей родины. Измаил – незаконный первосвященник, и, пока жив благородный Анна, он не имеет права быть первосвященником, а между тем он левит, один из тех посвященных, которые по нашей вере тысячи лет преемственно служат Господу Богу, Его...

Мессала, извительно смеясь, прервал его:

– О, теперь я тебя понимаю! Ты говоришь, что Измаил – похититель власти, и вместе с тем считаешь ядовитым уколom, когда усматривают больше вероятности в словах идумеянина, чем Измаила. Клянусь сыном Семелы, вот что значит быть евреем! Люди, предметы, даже небо и земля изменяются, еврей же никогда. Он не двигается ни назад, ни вперед, он остается таким же, как и его первый правитель. Я начерчу тебе на этом песке круг. Вот он. Теперь скажи мне, не жизнь ли это еврея? Снова все одно и то же. Вот Авраам, вот Исаак и Иаков, а посередине Бог. Клянусь громовержцем, круг этот еще слишком велик! Я его переделаю.

Он нагнулся, уперся большим пальцем руки в песок, остальными же обвел около него круг.

– Гляди, место, где находился большой палец, – храм. Линия, проведенная остальными пальцами, – Иудея. Неужели же все вне этой черты не заслуживает никакого внимания? Искусства? Ирод был строителем, его за это проклинали. Живопись, скульптура? На них и смотреть считается грехом. Поэзию вы отсылаете к своим алтарям. А где вне синагог упражняются у вас в красноречии? На войне все завоеванное в шесть дней вы теряете в седьмой. Вот ваша жизнь и ее границы! Кто же скажет, что я не прав, когда смеюсь над вами? Если ваш Бог довольствуется поклонением такого народа, то что Он значит в сравнении с нашим римским Юпитером, ниспосылающим нам своих орлов, дабы мы могли захватить в свои объятия весь мир? Гиллель, Симон, Шемайя, Абталион – что они рядом с теми, которые учат, что нужно знать все, что может быть познано?

Юноша вскочил. Лицо его сильно разгорелось.

– Нет, нет, седи, Иуда, седи! – воскликнул Мессала, протягивая руку.

– Ты смеешься надо мной!

– Послушай меня еще немного. Сейчас ко мне явится, как всегда, – и римлянин улыбнулся, – Юпитер со всей своей семьей, греческой и латинской, и тогда конец серьезному разговору. Я вполне ценю твою доброту и твоё желание прийти ко мне из старого отцовского дома, чтобы приветствовать мое возвращение и возобновить, если можно, дружбу нашего детства. «Иди, – сказал мне учитель на последней лекции, – иди и, чтобы жизнь твоя была славна, помни, что Марс царит, а Амур прозрел». Он разумел, что любовь – ничто, а война – все. Таков

Рим. Брак – первая ступень к разводу. Добродетель – драгоценный перл торговца. Клеопатра, умирая, завещала свои качества и была отомщена; в каждом римском доме у нее есть последовательницы. Весь свет идет по тому же пути. Что же касается нашего будущего, то долой Амура и да здравствует Марс! Я буду солдатом, а ты, мой Иуда, мне жаль тебя, чем можешь быть ты?

Иуда подошел ближе к пруду. Мессала, еще более растягивая слова, продолжал:

– Да, мне жаль тебя, мой прелестный Иуда. Из школы в синагогу, из синагоги в храм, а потом – о, венец славы! – место в синедрионе. Жизнь без всяких приключений, без тревожных. Да помогут тебе боги! Но я...

Иуда взглянул на Мессалу и заметил румянец гордости, разлившийся на его лице.

– Что касается меня, то свет покорен еще не весь. На морях есть острова, на которые не ступала нога человека. На севере народы еще не посещены нами. Остается довершить поход Александра на далекий Восток. Видишь, какие перспективы предоставляются римлянину!

Он продолжал, снова растягивая слова.

– Поход в Африку, затем – в Скифию, а там легион! Многие там заканчивают свою карьеру, но я на этом не останавлиюсь. Клянусь Юпитером, вот блестящая мысль! Сменю легион на префектуру. Представь себе: жить в Риме с деньгами – круглый год деньги, вино, женщины, удовольствия: пиры с поэтами, интриги при дворе, игры в кости. Такую жизнь можно устроить себе только при помощи богатой префектуры, и я добьюсь ее. О мой Иуда! Здесь Сирия, Иудея, Антиохия – столица богов. Я наследую Кириною, а вы разделите мое счастье.

Софисты и учителя риторики, задававшие тон общественному мнению Рима и почти всецело монополизировавшие воспитание патрицианской молодежи, может быть, отнеслись бы с одобрением к сказанному Мессалой, но для еврейского юноши все это было ново, не похоже на привычные разговоры и рассуждения. К тому же он принадлежал к народу, законы, обычаи, способ мышления которого воспрещали сатиру, поэтому в разговоре с другом его волновали самые разнообразные чувства: он то негодовал, то не знал, как отнестись к услышанному. Надменный тон поначалу оскорблял его, затем, все более раздражая, причинил жгучую боль. Такое чувство обыкновенно разрешается гневом, но гнев был вызван Мессалой другим путем. У евреев времен Ирода патриотизм был страстью, едва скрываемой под маской добродушия. Он был так неразлучно слит с их историей, религией и Богом, что вспыхивал при малейшей насмешке над ними, поэтому без преувеличения можно сказать, что слова Мессалы имели действие на слушателя подобно изысканной пытке.

Когда он остановился, Иуда с принужденной улыбкой сказал:

– Я слышал, что немногие способны издеваться над своей судьбой, и ты, мой Мессала, убедил меня, что я не принадлежу к их числу.

Римлянин, внимательно взглянув на него, возразил:

– Почему бы истине не заключаться в шутке или притче? Великая Фулвия однажды отправилась на рыбную ловлю и наловила рыбы больше всех. Ей объяснили это тем, что кончик ее крючка был вызолочен.

– Так ты не шутил?

– Я вижу, мой Иуда, что слишком мало предложил тебе! – быстро прервал его римлянин, причем глаза его сверкали. – Когда я буду префектом и Иудея обогатит меня, я сделаю тебя первосвященником.

Иуда гневно отвернулся и собирался было уйти.

– Не покидай меня, – сказал Мессала.

Тот в нерешительности остановился.

– О боги, как сильно печет солнце! – вскричал патриций, замечая его нерешительность.

Иуда холодно отвечал:

– Нам лучше расстаться. Я сожалею, что пришел. Я рассчитывал встретить друга, а нахожу...

– Римлянина! – быстро сказал Мессала.

Иуда сжал кулаки, но, снова сдержав себя, отвернулся и пошел прочь.

Мессала встал, взял со скамьи свой плащ, набросил его на плечо и последовал за Иудой. Поравнявшись с ним, он положил ему руку на плечо и пошел рядом.

– Вот дорожка, по которой мы гуляли детьми, обнявшись, как теперь. Дойдем же так до ворот.

Мессала старался быть серьезным и ласковым, хотя не мог отделаться от привычного насмешливого тона. Иуда не протестовал против фамильярности.

– Ты мальчик, а я уже муж, позволь же мне говорить с тобой, как подобает мужу.

Самодовольство его было восхитительно. Ментор, читающий нравоучения Телемаку, не мог бы быть развязнее.

– Веришь ли ты в Парок? Да, я забыл, что ты саддукей. Ессеи – разумные люди, те веруют в этих сестер, и я тоже. Вечно эти три сестры мешают нам осуществлять наши желания. Я сижу и мечтаю, что совершу то-то и то-то. И вот как раз в тот момент, когда я уже могу взять в свои руки мир, позади меня раздается скрип ножниц. Я оглядываюсь и вижу ее, эту проклятую Атропос! Почему мысль быть преемником Киринаея так тебя разгневала? Ты полагаешь, что я мечтаю обогатиться, ограбив Иудею? Если и так, то ведь кто-нибудь из римлян будет наживаться именно так. Почему не я?

Иуда замедлил свои шаги.

– И другие народы до римлян властвовали над Иудеей, – сказал он, подняв руку. – Где они теперь, Мессала? Иудея пережила их всех, она переживет и Рим.

Мессала начал говорить, снова растягивая слова:

– В Парок верят не только евреи. Поздравляю, Иуда, поздравляю с обращением в новую веру.

– Нет, Мессала, я не принадлежу к ним. Вера моя зиждется на скале, служившей основанием веры моих отцов, на завете Господа Бога Израиля.

– Слишком странно, мой Иуда. Как был бы поражен мой учитель, прояви я в его присутствии такую горячность: я думал было поговорить с тобой еще кое о чем, но опасаюсь. Теперь я думаю, ты должен выслушать меня, тем более что я буду говорить о тебе. Я готов быть тебе полезен, о прекрасный Ганимед, готов служить тебе от всей души, потому что, сколько могу, я люблю тебя: я сказал уже, что хочу быть воином, – почему бы и тебе не быть им? Почему бы тебе не сделать шага из того круга, в пределах которого, по вашим законам и обычаям, заключается все лучшее в жизни?

Иуда не отвечал.

– Кто самые мудрые люди в наши дни? – продолжал Мессала. – Конечно, не те, кто губит годы в спорах о мертвых вещах – о Ваале, Юпитере и Иегове, о философии или религии. Назови мне хоть одно великое имя в Риме, Египте, на Востоке или даже здесь, в Иерусалиме, и, клянусь Плутоном, ты непременно назовешь человека, составившего свою славу из живого материала. Возьми Ирода, Маккавеев, первого и второго царей. Подражай им и начинай немедленно. Рим протягивает тебе руку и готов помочь тебе, как и идумеянину Антипатру.

Еврейский юноша дрожал от бешенства. Ворота сада были близки, и он торопился скорее уйти.

– О Рим, Рим! – шептал он.

– Будь же мудр, – продолжал Мессала, – отбрось в сторону глупости Моисея, смотри на вещи прямо. Взгляни Паркам в лицо, и они скажут тебе, что Рим – вселенная. Спроси их об Иудее, и они ответят тебе, что она не более того, что захочет сделать из нее Рим.

Теперь они подошли к воротам.

Иуда остановился, мягко снял руку Мессалы со своего плеча и взглянул на него глазами, в которых дрожали слезы.

– Я понимаю тебя, потому что ты – римлянин. Ты же не можешь понять меня, потому что я – израильтянин. Ты сегодня заставил меня страшно страдать, ибо, слушая тебя, я убедился, что мы отныне уже никогда не сможем быть друзьями. Никогда! Тут мы расстаемся. Да почиет над тобой мир Бога моих отцов!

Мессала протянул ему руку, Иуда вышел за ворота.

После его ухода римлянин несколько минут стоял молча, затем тоже вышел за ворота и, встряхнув головой, сказал себе:

– Пусть будет так! Амур умер, да здравствует Марс!

Дом Гуров

От входа в Святой город, со стороны ворот, сегодня именуемых воротами святого Стефана, в западном направлении, параллельно северному фасаду башни Антония, тянется улица. От этой знаменитой башни она не раз поворачивает к югу и снова на запад. Путешественник или исследователь, знакомый со священной местностью, признает в описанной дороге часть Скорбного Пути, улицу, полную для христиан всего мира самых грустных воспоминаний. Дальнейшее изложение не потребует от нас знакомства со всей улицей, и нам достаточно указать только дом, стоявший на том месте, где улица круто поворачивает к югу. Дом этот играет важную роль в нашем рассказе, а потому требует более подробного описания.

Здание это, подобно большинству изысканных домов Востока, было двухэтажным и квадратным. Прохожий, идя близ его стен, поражался их грубым, неуклюжим, хотя в то же время прочным и внушительным видом. Стены эти были сложены из больших камней, без всякой отделки снаружи, как будто камни были положены друг на друга в том самом виде, в каком их добыли из каменоломни. Здание это напоминало крепость, за исключением окон и украшений над дверьми и воротами. Ворота были единственным отверстием в стенах первого этажа, а над ними красовались мраморные карнизы прекрасной работы и такого смелого рисунка, что человек, хорошо знакомый с местными условиями, сразу мог признать, что богатый владелец этого дома по религиозным и политическим убеждениям принадлежит к саддукеям.

Спустя некоторое время после того, как молодой еврей расстался с римлянином, он оставился у ворот только что описанного дома и постучался в него. Ему отперли калитку, и он поспешно вошел в нее, позабыв даже ответить на низкий салям привратника.

Проход, в который он вступил, несколько походил на узкий туннель со стенами, обшитыми панелями, и сводчатым потолком. По обеим сторонам его тянулись каменные скамьи, лоснящиеся от долгого употребления. Сделав десятка полтора шагов, он вышел во двор, окруженный фасадами двухэтажных зданий. Нижний этаж разделялся на льюины, в верхнем же были устроены террасы с крепкими перилами. Ходившие по террасам взад и вперед служители, грохот жерновов, развешенные на протянутых веревках платья, повсюду голуби и цыплята, стоявшие в льюинах козы, коровы, ослы и лошади, громаднейшее корыто с водой – все это указывало на то, что то был хозяйственный двор богатого собственника.

Пройдя его, юноша вошел в другой двор, засаженный кустарником и виноградными лозами, поддерживаемыми в постоянной красоте и свежести водой из бассейна, устроенного близ портика с северной стороны. Самая щепетильная чистота, наблюдавшаяся на этом дворе и не допускавшая ни малейшей пылинки по углам или пожелтого листка в растениях, способствовала, быть может, более всего тому общему восхитительному впечатлению, которое производил двор, и посетитель, вдохнув в себя этот чистый воздух, мог заранее судить об утонченной жизни того семейства, что владело этим домом.

Сделав несколько шагов по второму двору, юноша повернул направо и, пройдя сквозь цветущий кустарник, приблизился к лестнице, по которой и поднялся на террасу – широкий помост, выложенный белыми и темными плитами, сильно уже истертыми. Пройдя под навес, он вошел в комнату, которую опустившийся за ним щит снова погрузил во мрак. Несмотря на темноту, он прошел по черепичному полу прямо к дивану и бросился на него лицом вниз, стиснув голову руками.

Перед наступлением ночи женщина подошла к двери и окликнула юношу. Он отозвался, и она вошла.

– Уже кончили ужинать, и ночь на дворе. Разве ты не голоден, сын мой? – спросила она.

– Нет, – отвечал он.

– Ты болен?

- Мне хочется спать.
- Твоя мать спрашивала о тебе.
- Где она?
- В летней комнате на кровле.
- Он приподнялся и сел.
- Ну, принеси мне чего-нибудь поесть.
- Чего ты хочешь?

– Все равно, Амра. Я не болен, но мне все равно. Жизнь не представляется мне такой приятной, как казалась сегодня утром. Это новый недуг, о моя Амра, и мне теперь нет дела до пищи.

Амра приложила руку к его лбу и, как бы удовлетворившись этим, вышла, говоря: «Хорошо, я посмотрю». Немного спустя она вернулась, неся на деревянном подносе чашку с молоком, несколько тонких ломтиков белого хлеба, легкое печенье из пшеничной муки, жареную птицу, мед и соль. На одном конце подноса стоял серебряный кубок с вином, на другом – зажженный светильник.

При свете его можно было рассмотреть комнату: стены из гладко отесанного камня; потолок с толстыми дубовыми балками, почерневший от времени и от дождя; прочный пол из белой и голубой черепицы; несколько стульев с ножками наподобие львиных лап; невысокий диван, обитый голубой материей, с наброшенным на него большим полосатым одеялом – словом, еврейская спальня.

При том же свете можно рассмотреть и женщину. Пододвинув стул к дивану, она поставила на него поднос и стала на колени. Судя по смуглому лицу с черными глазами, глядевшими почти с материнской нежностью, ей было лет пятьдесят. Голову ее покрывал белый тюрбан, оставляя напоказ только кончики ушей, в которых виднелись отверстия, проколотые толстым шилом, – знак ее общественного положения. Она была египтянка, рабыня из числа тех, которым даже священный пятидесятый год не приносит свободы, да она и не приняла бы ее, потому что любила юношу, которому служила, больше самой жизни. Она его выкормила, вынянчила и не могла себе представить, что он когда-нибудь сможет обходиться без ее услуг.

Во время еды она молчала.

– Помнишь ли ты, Амра, Мессалу, который когда-то бывал у меня? – спросил он. – Несколько лет назад он уехал в Рим и теперь вернулся. Я заходил к нему сегодня.

Отвращение выразилось на лице юноши.

– Я знала, что что-то случилось, – сказала она, глубоко заинтересованная. – Мне никогда не нравился Мессала. Расскажи мне все.

Он задумался и на ее вопрос отвечал только:

– Он сильно изменился, и у меня нет ничего общего с ним.

Когда Амра уносила поднос, юноша последовал за ней и поднялся с террасы на кровлю.

Читатель, вероятно, понимает значение кровли на Востоке. Климат везде является законодателем обычаев. Сирийский летний день заставляет любителя удобств удаляться в тень льюинов, но наступает ночь, и над скатами гор опускаются тени, окутывающие своим покрывалом певцов Цирцеи, но они далеко, тогда как кровля тут, рядом, и настолько приподнята над светящейся равниной, что доступна свежему воздуху, и настолько выше деревьев, что звезды кажутся ближе и ярче. И вот кровля становится местом удовольствий, спальней, будуаром. Тут собирается вся семья, играет, танцует, беседует, мечтает и молится.

Юноша медленно прошел по крыше к башне и вошел в нее, приподняв опущенную занавеску. Внутри царил полнейшая темнота, и свет проходил только в отверстия с арками по одной с каждой стороны, сквозь которые виднелось усеянное звездами небо. Он заметил фигуру полулежащей на диване женщины, одетой в белое широкое платье. При звуках его

шагов опахало в ее руках остановилось, и бриллианты, которыми оно было усеяно, заблестали при свете, падающем на них от лучей звезд.

Она приподнялась, села и позвала его:

– Иуда, сын мой!

– Это я, матушка, – ответил он и ускорил шаги.

Подойдя к ней, он встал на колени, она обвила его руками и с поцелуями прижала к своей груди.

Мать и сын

Мать заняла прежнее удобное положение, склонившись на подушку, а сын присел на диван. Сквозь арку виднелись крыши зданий, горы и темно-синяя глубь неба, блиставшая множеством звезд. Над городом царила тишина. Шумел только ветерок.

– Амра говорила мне, что с тобой что-то случилось, – сказала мать, глядя сына по щеке. – Когда мой Иуда был ребенком, я допускала, что его могут беспокоить мелочи, но теперь он муж. Он не должен забывать, – голос ее сделался еще ниже, – что ему предстоит быть моим героем.

Она говорила на языке, почти забытом в стране, но который немногие, преимущественно отличавшиеся аристократической кровью и богатством, хранили во всей чистоте для явного отличия от простонародья – на языке, на котором Ревекка и Рахиль пели песни Вениамину.

При этих словах он снова впал в задумчивость, но немного спустя взял руку, которой она его ласкала, и сказал:

– Сегодня, матушка, мне пришлось передумать многое, о чем я прежде никогда не думал. Но сперва скажи мне, кем я должен быть.

– Разве я уже не сказала тебе? Ты должен быть моим героем.

Он не мог разглядеть выражения ее лица, но знал, что она шутит. Он сказал серьезно:

– Ты очень добра и ласкова, моя матушка. Никто никогда не будет любить меня так, как ты.

И он несколько раз поцеловал ее руку.

– Я, кажется, понимаю, почему ты не хочешь продолжать этот разговор. До сих пор моя жизнь всецело принадлежала тебе. Как нежна, как приятна была твоя опека, и мне хотелось бы, чтобы она продолжалась вечно. Но это невозможно. Воля Бога Иакова в том, что рано или поздно я стану самостоятельным. Настанет день разлуки, страшный для тебя день. Будем смелы и серьезны. Я буду твоим героем, но ты должна наставить меня на истинный путь. Ты знаешь, что по закону каждый сын Израиля должен иметь определенное ремесло. Я не составляю исключения и спрашиваю тебя, кем я должен быть: пастухом, земледельцем, плотником, писцом или законником? Добрая моя матушка, помоги мне разрешить этот вопрос!

– Гамалиил проповедовал сегодня, – сказала она задумчиво.

– Не знаю, я не слышал его.

– Стало быть, ты гулял с Симоном, который, как мне говорили, унаследовал гений своей семьи.

– Нет, я не видел его, я был не в храме, а на площади – у молодого Мессалы.

Перемена в его голосе не ускользнула от внимания матери. Предчувствие заставило ее сердце биться сильнее, и опахало снова перестало двигаться.

– Мессала, – сказала она, – чем он мог взволновать тебя?

– Он очень сильно изменился.

– Ты хочешь сказать, что он вернулся римлянином?

– Да.

– Римлянин, – продолжала она как бы про себя. – Для всего мира это слово означает «господин». Долго ли он отсутствовал?

– Пять лет.

Она приподняла голову, как бы вглядываясь в темноту ночи.

– Пути к славе вполне пригодны для Египта и Вавилона, но в Иерусалиме, нашем Иерусалиме, непоколебимо царит завет.

Поглощенная этой мыслью, она снова опустилась на подушку. Иуда первым прервал молчание.

– То, что высказал мне Мессала, обидно само по себе, но тон его речи был просто невыносим. Я думаю, что все великие народы надменны. Но надменность этого народа переходит все границы, и за последнее время она быстро возрастает.

– Да, – горячо прервала его мать, – уже не один римлянин требует божеских почестей.

– В Мессале всегда проступала эта дурная черта. Я замечал, что он и ребенком смеялся над иностранцами, которых сам Ирод принимал с почетом, но он всегда шадил Иудею. Но сегодня в разговоре со мной он потешался над нашими обычаями и над нашим Богом, и, конечно, ты не посетуешь на меня за то, что я окончательно разошелся с ним. А теперь, добрая матушка, я хочу знать определенно, какие основания для этого презрения существуют у римлян. Чем я ниже этого римлянина? Разве наш народ ниже других народов? К чему бы я стал в присутствии даже самого кесаря чувствовать страх раба? А главное, скажи мне, разве я, одаренный душой, не мог бы достичь всех почестей мира на любом поприще человеческой деятельности? Разве я не могу, взяв меч, подвизаться на военном поприще или стать вдохновенным поэтом? Я могу быть золотых дел мастером, пастухом, купцом. Почему же мне не быть художником, подобно греку? Скажи мне, почему сын Израиля не может делать всего, что доступно римлянину?

Мать слушала сына с глубочайшим вниманием, и ничто не ускользнуло от нее: ни предмет разговора, ни прямая постановка вопросов, ни тон, ни интонация его речи. Она приподнялась и так же быстро и горячо возразила ему:

– Благодаря окружающим Мессала в детстве был почти еврей, и, оставайся он здесь, из него, может быть, вышел бы прозелит (новообращенный): мы так много заимствуем в нашей жизни от окружающих. Но годы, проведенные в Риме, слишком изменили его. Я не удивляюсь этой перемене, но, – голос ее стал тише, – он мог бы нежнее обойтись с тобой. Только черствые, жестокие натуры могут в юности забыть друзей детства!

Ее рука опустилась на лоб юноши, и пальцы нежно и любовно гладили его волосы, в то время как ее глаза были устремлены на звезды. Ее гордость звучала не эхом, но в унисон с его чувством вследствие полнейшей их симпатии друг к другу. Она хотела ответить ему и в то же время боялась дать неудовлетворительный ответ. Допустив хоть в чем-нибудь ущербность сынов Израиля, она могла на всю жизнь подавить его дух. Она сомневалась в своих собственных силах.

– На твои вопросы, о мой Иуда, женщина не может дать ответ. Оставим это до завтра и спросим у мудрого Симона, – отвечала она.

– Не отсылай меня к нему, – прервал он ее.

– Мы позовем его сюда.

– Нет, я жажду более чем простых советов. Как бы он ни разрешил эти вопросы, он не может внушить мне того, что в силах сделать ты, о моя мать, – дать мне решимость, составляющую силу мужественной души.

Взор ее быстро скользил по небу, в то время как она старалась взвесить все значение этих вопросов.

– Если мы жаждем справедливости для себя, то мы не должны быть несправедливы к другим. Отрицать достоинства в побежденном враге – значить умалять достоинство нашей победы, и если суровый враг желает страхом сильнее поработить нас, то самоуважение обязывает нас искать истинных причин бедствий, а не услаждать себя мыслью, что он принадлежит к более низкой породе людей, чем мы.

Говоря это как бы про себя, она затем обратилась к Иуде со следующими словами:

– Слушай, мой сын: Мессала – благородного происхождения, его фамилия славится издавна. Во времена римской республики – когда именно, я не могу сказать, – эта семья отличалась и на военном, и на гражданском поприще. Я могу назвать одного консула из этого семейства, члены этой семьи были сенаторами, и люди добивались их покровительства, потому что

они были богаты. Но если твой друг хвалится своими предками, то ты смело мог бы пристыдить его своими. Если он ссылается на древность своего рода, на деяния, знатность и богатство своих предков, чем обыкновенно гордятся люди, не отличающиеся умом, и чем можно гордиться только в исключительных случаях, если, говорю я, он приводит все это в доказательство своего превосходства, то ты безо всякого опасения мог бы выставить любого из твоих предков, и сравнение отнюдь не было бы в пользу Мессалы.

Подумав, она продолжала:

– В настоящее время принято считать, что народ или род чем древнее, тем благороднее. Римлянин, основывая на этом свое превосходство перед израильтянином, всегда потерпит неудачу. Очень немногие римские семьи могут вести свой род с древности, да и то лишь в силу голословных преданий. Мессала, конечно, не принадлежит к этим счастливым. Теперь рассмотрим наш род, древнее ли он.

При лучшем освещении Иуда легко заметил бы, какой гордостью дышало лицо матери.

– Если бы римлянин бросил мне подобный вызов, я без малейшего страха и сомнения ответила бы ему.

Голос ее задрожал, став особенно нежным.

– Твой отец, о мой Иуда, покоится не рядом со своими отцами, но я живо вспоминаю тот день, когда мы в сопровождении многих друзей отправились в храм для посвящения тебя Богу. Мы принесли в жертву голубей, священник в моем присутствии записал твое имя: Иуда, сын Итамара, из дома Гура. Это имя было внесено в родословную книгу священного семейства. Я не могу тебе указать на начало обычая вести эти записи: мы знаем, что он существовал еще до бегства евреев из Египта. Я слышала от Гиллеля, что Авраам первым открыл запись своим именем и именами своих сыновей в силу обета, данного ему Богом, отделившим его и его потомство от остальных народов как величайших и благороднейших избранников мира. Завет с Иаковом был таким же. «...Благословятся в семени твоём все народы земные...» – так сказал ангел Аврааму (Бытие 26:4). «Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему...» – так сказал Сам Бог Иакову (Бытие 28:13). Затем мудрый человек предусмотрел справедливое разделение земли обетованной, и дабы известно было в день раздела, кто имеет право на долю, была заведена родословная книга. Но не для одного этого. Завет, данный Богом патриарху, относится к далекому будущему. Семя его благословлялось в лице того Спасителя, который мог быть беднейшим, ибо для Бога нет различия между знатными и незнатными, богатыми и бедными. Чтобы удостоверить справедливость этого завета и воздать честь истинному Спасителю, родословная должна вестись с безупречной точностью. Действительно ли так она велась?

Опахало быстро задвигалось в руке женщины. Горя нетерпением, Иуда задал ей вопрос, вполне ли верна родословная книга.

– Гиллель уверяет, что да. Наш народ иногда отступал от закона, но никогда не забывал свято хранить родословную книгу. Добрый равви сам проследил ее в течение трех периодов: от начала обетования до открытия храма, от открытия храма до пленения и от пленения до наших дней. Однажды только, а именно к концу второго периода, запись была прервана; но когда народ вернулся из долгого изгнания, Иеровавель восстановил родословие, считая это как бы первейшей обязанностью по отношению к Богу, и тем дал нам возможность проследить непрерывность еврейского рода в течение двух тысяч лет. И теперь как смешно и ничтожно это тщеславие римлян древностью их рода! В этом отношении любой пастух из сынов Израиля благороднее избраннейшего римлянина.

– А я, матушка, кем значусь я в родословной?

– Я сейчас отвечу тебе. Мессала, может быть, подобно многим, сказал бы, что точные следы родословной прерываются взятием Иерусалима ассирийцами и разрушением храма со всеми его сокровищами. Но ты мог бы напомнить ему о благочестивом деле Иеровавеля и

возразить, что на таком же точно основании и римская генеалогия прерывается взятием Рима западными варварами, владевшими им в течение шести месяцев. Вело ли государство семейные списки и что случилось с ними в эти дни разорения? Нет, нет, наша родословная книга верна, и, следя по ней до времени пленения и далее до времени построения храма и исхода из Египта, мы можем с полной достоверностью проследить наш род до Гура, сотоварища Иисуса Навина. В деле древности рода наше семейство вполне достославно. Но ты хочешь, может быть, проследить наш род далее? Возьми Тору, отыщи Книгу чисел, и ты найдешь родоначальника нашего дома в семьдесят втором поколении от Адама.

Некоторое время царила тишина.

– Благодарю тебя, моя матушка, – воскликнул Иуда, сжимая ее руки. – Благодарю тебя от всего сердца. Я был прав, не желая обращаться к доброму раввину. Он не мог бы так успокоить меня. Но чтобы семья была истинно благородна, достаточно ли одной древности?

– О, ты забываешь, что наша слава зиждется главным образом на том, что мы – избранные Бога!

– Ты говоришь о народе, а я спрашиваю тебя о нашем семействе. Что совершили наши предки со времени праотца Авраама? Какими великими делами возвысились они над соотечественниками?

Она колебалась, опасаясь, что все это время неверно понимала предмет разговора. Может быть, эти вопросы были внушены сыну одним оскорбленным самолюбием? Юность есть только та прекрасная скорлупа, внутри которой живет, постоянно развиваясь, человеческий ум. Как младенцы протягивают руки, желая схватить тень, так, может быть, и ум ее сына желает схватить неизвестное будущее. Нужно быть крайне осторожным в своих ответах на вопросы ребенка: кто я и кем должен быть? Каждое слово ответа отражается на будущности так же, как малейшее прикосновение пальцев ваятеля отражается на его произведении.

– Мне кажется, о мой Иуда, – сказала она, глядя ему в глаза, – мне кажется, что все сказанное мной было опровержением слов скорее воображаемого, чем действительного врага. Если последним является Мессала, то не оставляй меня бороться с ним в потемках. Передай мне весь ваш разговор.

Новый гимн Израилю

Иуда начал передавать матери свой разговор с Мессалой. Боясь прервать его, она слушала сына с полнейшим вниманием. Она, эта ревнивая мать, не знала, какое направление примет это пробудившееся в нем чувство оскорбленной гордости. Что, если оно удалит его от веры отцов? Ничто в ее глазах не могло быть ужаснее этого. По ее мнению, было только одно средство избежать несчастья, и она принялась за решение задачи. Ее речь благодаря природному дарованию была строга и в то же время поэтична.

– Никогда еще не существовало народа, который бы не считал себя, по крайней мере, равным любому другому народу, и всегда великий народ, сын мой, считал себя избранником. Если римлянин свысока смотрит на Израиль, то этим он повторяет безумие египтян, ассириян и македонян. И он поступает так же, издеваясь над нашим Богом. Нет мерила для определения превосходства народа – такие разговоры бесплодны и доказывают только пустое тщеславие. Народ мужает, достигает расцвета и затем умирает естественной смертью или от руки другого народа, заступающего на его место. Такова история. Если бы мне предложили символически изобразить Бога и человека, я начертила бы прямую линию и круг. О прямой линии я бы сказала: это – Бог, ибо Он один предвечно движется по прямому пути, а о круге – это человечество, таков его прогресс. Я не могу сказать, что судьбы народов одинаковы. Нет, каждый совершает свой круг, но различия состоят не в величине круга, как предполагают многие, и не в обширности пространства, заселяемого известной нацией, а в направлении ее движения. Направление, устремленное ввысь, приближает ее к Богу.

Остановись я на только что сказанном, ты упрекнул бы меня в том, что я почти ничего не прояснила, и потому пойдем далее. Существуют несомненные признаки, определяющие направление движения, совершаемое известной нацией. Сравним, например, евреев с римлянами: достаточно заметить, что Израиль только порой забывал Бога, Рим же никогда не видел Его – в этом отношении сравнение между ними немыслимо.

Твой друг, или, вернее, твой бывший друг, если я верно тебя поняла, обвиняет нас в том, что у нас не было поэтов, художников и полководцев. Этим он, очевидно, хочет сказать, что у нас не было великих людей, составляющих еще один признак величия народа. Чтобы решить, насколько справедливо это обвинение, нужно предварительно точно определить, что следует разуметь под словом «великий человек». Велик, мой мальчик, тот, чья жизнь доказывает, что он был прямым или косвенным орудием Бога. Один перс был призван покорить наших отцов за их вероотступничество, и он увел их в плен. Другой перс был избран для возвращения детей на их землю обетованную. Но более велик, чем оба они, тот македонянин, который служил орудием мщения за разорение Иудеи и храма.

Господствует мнение, что военное поприще – самое благородное для мужей. Пусть мир заражен этой идеей, но ты не ослепляйся ею. Люди должны поклоняться чему-нибудь до тех пор, пока существуют явления, которых они не в силах объяснить. Мольба варвара есть вызванный страхом призыв к силе, единственному божественному свойству, ясно им понимаемому, отсюда его поклонение героям. Сам Юпитер не более как римский герой. Грекам принадлежит великая слава почитать ум выше силы. Афиняне чтили ораторов и философов выше полководцев. Люди, одерживавшие победы в беге и езде на колесницах, оставались героями арены, но бессмертная слава была уделом только гениальных поэтов. Семь городов оспаривали друг у друга славу быть родиной одного из них. Но были ли греки первыми, отвергнувшими старую веру варваров? Нет, эта слава, сын мой, принадлежит нам. Грубой силе наши праотцы противопоставили Бога. Этим евреи и греки возвысили человечество и двинули его вперед. Но – увы! – Рим превыше разума и Бога воздвигает трон кесаря. Это олицетворение грубой силы, не допускающей иного величия.

Греческий период – время процветания гениев, одаривших мир многими великими мыслителями. Греки, пользуясь полной свободой развития, достигли на всех поприщах, кроме военного, такой степени совершенства, что даже римляне принуждены довольствоваться подражанием им. Греки служат образцами для ораторов форума. Прислушайся – и в любой римской мелодии ты услышишь греческий размер. Если римлянин мудро говорит о нравственности или о тайнах природы, то знай, что он или воспитывался в греческой школе, или украл это у кого-нибудь из греков. Во всем, за исключением военного ремесла, Рим является только подражателем. Его игры и увеселения – греческого происхождения, но с примесью кровавых зрелищ для удовлетворения зверских инстинктов черни. Его религия состоит из осколков верований других народов, его наиболее чтимые боги, не исключая Марса и Юпитера, олимпийского происхождения. Сын мой, во всем мире только один Израиль может оспаривать пальму первенства у греков и вместе с ними предъявлять права на звание самобытного гения.

Грубое тщеславие римлян кажется мне самоослеплением. О безжалостные завоеватели! Под их пятой, под которую попали и мы, стонет земля. Римляне занимают у нас высшие, священные места, и никто не знает, где конец их игу. Но я верю и знаю, что хотя бы они и раздавили Иудею, разрушили Иерусалим, слава израильских мужей останется тем вечным светом, озаряющим человечество, погасить который никто не в силах, ибо история мужей Израиля есть история Бога, водившего их рукой при писании священных книг, говорившего их устами и творившего все доброе, сделанное ими. Кто был их законодателем на Синайской горе, проводником в пустыне, вождем в битвах, царем-правителем на троне? Кто не раз разверзал завесу, скрывающую Его небесную обитель, и, как человек, говорящий со своими братьями, указывал им истину, путь к счастью, учил, как жить, и при Своем всемогуществе давал им обеты и скреплял клятвой Свой вечный завет с ними? О сын мой, мыслимо ли, чтобы ничего божественного не заимствовали от Него те, к кому так благоволил Иегова, к кому Он снисходил, кто находится в постоянном общении с Ним, чтобы в складе их жизни и в делах человеческое не было слито с божественным и чтобы гений их даже по прошествии веков не сохранил в себе эту долю божественного!

Только движение опахала некоторое время нарушало тишину.

– Правда, в области живописи и ваяния Израиль не имел выдающихся художников, – сказала она тоном сожаления, потому что принадлежала к саддукеям, допуская, в отличие от фарисеев, проявление во всевозможных формах чувства прекрасного. – Но не следует забывать, что, во-первых, наши руки были связаны запрещением «Не делай себе кумира и никакого изображения...» (Исход 20:4). Во-вторых, задолго до того времени, когда Дедал появился в Аттике и своими деревянными статуями совершил переворот в скульптуре, породивший школы в Коринфе и Эгине с их великими творениями – Портиком и Капитолием, задолго до Дедала сердца двух израильтян, Веселеила и Аголиава, строителей первой скинии, были «исполнены... мудростью, чтобы делать всякую работу...» (Исход 35:35). Они сделали, между прочим, на обоих концах крышки ковчега двух херувимов из золота чеканной работы. Кто скажет, что они не были прекрасны или что они не были первыми статуями?

– О, я понимаю теперь, почему греки опередили нас, – сказал Иуда, глубоко заинтересованный этим рассказом. – А ковчег... да будут прокляты вавилоняне, разрушившие его.

– Нет, Иуда, не верь этому. Он не был разрушен, его тщательно спрятали в одной из пещер соседних гор. Но настанет день, – говорят Гиллель и Шемайя, – настанет Царство Божие на земле, и он снова будет найден, и израильтяне восстановят его и понесут с пением и плясками, как в былые годы.

Мать говорила с горячностью вдохновенного оратора. Потом она остановилась, чтобы несколько успокоиться и уловить нить первоначальных мыслей.

– Ты так прекрасна, матушка, – сказал Иуда, и в тоне его слов звучали и восторг, и благодарность. – Ни Шемайя, ни Гиллель не сумели бы говорить лучше.

– Лстец! Я ведь только повторяю доводы Гиллеля, слышанные мной в его споре с одним римским софистом.

– Да, но сердечность этих доводов – твоя.

Она продолжала в прежнем строгом тоне.

– На чем я остановилась? Да, я утверждала, что слава ваятелей первых статуй по праву принадлежит нам, евреям. Но скульптура – не единственная область искусства, а последнее – не единственная арена для великих людей. Путь человечества мне представляется так: впереди идут великие – тут индусы, там египтяне, там ассирияне. Раздаются звуки труб, развеваются знамена, а по бокам идут обыватели – бесчисленное поколение простых смертных. При этом зрелище я вспоминаю Грецию и говорю: грек ведет человечество, он указывает ему путь; но римлянин кричит: «Прочь! Твой передовой пост принадлежит нам, мы опередили тебя!» А над всем этим шествием, с начала веков в бесконечное будущее, вечно сияет свет, о котором эти люди, оспаривающие друг у друга первенство, знают только то, что это вечно манящий их свет откровения. Кто же держит этот светильник? Древний иудей! Трижды благословенны наши отцы, служители Бога, хранители завета! Мы – руководители человечества в прошлом, настоящем и будущем. Передовой пост принадлежит нам, и будь хоть каждый римлянин кесарем, мы не уступим этого поста.

Иуда был глубоко потрясен.

– Умоляю тебя, продолжай, – воскликнул он. – Слушая тебя, я слышу звуки тимпанов (ударный инструмент наподобие литавр), вижу Мариам и сопровождающих ее пляшущих и поющих женщин.

– Хорошо, сын мой. Если ты можешь перенестись в прошлое, то проследим избранников Израиля, несущих славу великих руководителей человечества. Вот они: это патриархи, затем родоначальники колен. Мне слышатся колокольчики их верблюдов и рев их стад. Кто же это так отличен от всех остальных? Старец, но взор очей его не потух и силы его не ослабели. Он лицезрел Самого Бога. Воин, поэт, оратор, законодатель, пророк – их величие сияет, как утреннее солнце, в блеске которого меркнут все остальные светила, даже в лице первейших и благороднейших кесарей. За ними следуют судьи, затем цари: сын Иессея, герой на войне, творец бессмертных псалмов, и сын его, богатством и мудростью превосходивший всех остальных царей. Населяя пустыни, украшая городами прежде безлюдные места, он не забывал Иерусалима, этого города, избранного Богом для Своего земного царствования. Склони, мой сын, свою голову – за нами следуют те, которые были первыми и единственными в своем роде. Они идут с поднятой головой, как бы прислушиваясь к голосу неба. Их жизнь полна печали, от их одежды веет пещерами. Преклони голову пред ними до земли. Они были гласом Бога, Его слугами, провидевшими тайны небес и вещавшими будущее. Они записали свои пророчества, дабы люди могли проверить их справедливость. Цари бледнели при их появлении, и народы трепетали при звуке их голоса. Стихии повиновались им, и их руками изливались и бедствия, и благодать. Взгляни на Илию Фесвитянина и на Елисея, его слугу! Взгляни на печального Хелкию и на пророка видений у реки Ховар. Взгляни на одного из трех сыновей Иуды, отвергшего повеление вавилонского царя и на пиру в присутствии бесчисленных гостей пристыдившего астрологов. А далее... но пади снова ниц: пред тобой благородный сын Амоса, вещавший миру о грядущем Мессии.

Опахало все это время быстро двигалось. Теперь оно остановилось, и мать Иуды заметила:

– Ты утомился.

– Нет, я слышал новый гимн Израилю.

Мать, увлекаясь, продолжала:

– Милый Иуда, я назвала тебе наших великих людей. Посмотри теперь на лучших из римлян. Противопоставь Моисею Цезаря, Давиду Тарквилла, любого из Маккавеев – Сулле,

лучших консулов – судьям, Августа – Соломону. И что же? Нашим пророкам, этим величайшим из людей, даже и противопоставить некого.

Она презрительно улыбнулась.

– Прости меня, мне припомнились гадатели, предостерегающие Кая и Юлия от мартовских ид (по древнеримскому календарю, 15 марта. В этот день в 44 г. до Р. Х. произошло убийство Юлия Цезаря) на основе предзнаменований, увиденных ими... во внутренностях голубей. И от этой картины перенеси свой взор на Илию, сидящего по пути в Самарию на вершине горы, среди дымящихся трупов пятидесятника с его пятидесятком, и предостерегающего сына Ахава от Божьего гнева. Ведь, в сущности, сын мой, мы можем сравнивать даже Иегову с Юпитером, – если только позволительно такое сравнение, – только по тем делам, какие творились их служителями во имя их. Что же касается того, кем тебе быть...

Последние слова она произнесла быстро, и голос ее дрожал.

– Кем тебе быть? Служи, мой мальчик, Господу Богу, Богу Израиля, а не Риму. Для сынов Авраама нет иной славы, как следовать стезям Божьим и на этом пути обрести великую славу.

– Могу ли я быть воином? – спросил Иуда.

– Почему же нет? Разве Моисей не называет Господа Богом брани?

В комнате водворилась глубокая тишина.

– Благословляю тебя на это поприще, – сказала она, – если только ты будешь служить не кесарю, а Богу.

Он радостно принял ее согласие и стал понемногу засыпать. Тогда она встала, подложила ему под голову подушку и, накрыв его шалью, нежно поцеловала и вышла.

Да здоровствует Марс!

Когда Иуда проснулся, солнце уже было высоко и освещало горы. Повсюду летали голуби, и их белые крылья мерцали радужным блеском солнечных лучей. На юго-востоке красовался храм, и золото его ярко блестело на фоне голубого неба, но это было обычное зрелище, и он только мельком окинул его взором. На краю дивана, близ него, сидела девушка лет пятнадцати и пела, грациозно касаясь струн арфы, покоившейся на ее коленях. На лице девушки и остановился его взор.

Она отложила в сторону свой инструмент, сложила на коленях руки и ждала, когда он начнет говорить. Нам необходимо сказать несколько слов о девушке и заодно познакомить читателя со всей семьей Гуров.

В Иерусалиме после Ирода осталось много знатных лиц, пользовавшихся его щедростью. Если последние ссылались на потомков славных сынов одного из колен, особенно же колена Иудина, то счастливых этих именовали князьями иерусалимскими – отличие, благодаря которому они пользовались огромным почетом среди менее счастливых соотечественников и уважением язычников, с которыми им приходилось входить в деловые отношения. Из числа этих баловней судьбы отец знакомого нам Иуды пользовался наибольшим почетом. Постоянно помня о народе, он оставался верен императору и честно служил ему как в Иудее, так и вне ее. Дела часто привлекали его в Рим, где он обратил на себя внимание Августа и снискал его дружбу. Вследствие этого в доме его красовалось множество царских подарков – пурпуровые тоги, кресла из слоновой кости, золотые кубки, особенно ценные, потому что были вручены ему лично императором. Такой человек не мог быть беден, но его богатство зависело не только от царских щедрот. Он вел множество предприятий. Значительное количество пастухов пасло его стада по равнинам и склонам древнего Ливана, на берегу моря и внутри страны находились основанные им торговые дома, его корабли привозили ему серебро из Испании, где в то время находились богатейшие рудники, а караваны дважды в год доставляли с Востока шелка и пряности. Иудей по вере, он строго соблюдал закон и обряды, занимал почетное место в синагоге и храме и был сведущ в Писании. Он с наслаждением проводил время среди раввинов и довел свое поклонение Гиллелю почти до обожания. Но он отнюдь не был сепаратистом, его гостеприимством пользовались чужестранцы со всех концов света, и щепетильные фарисеи обвиняли его в том, что за его столом не раз сидели самаритяне. Будь он язычником и проживи несколько дольше, мир, может быть, знал бы о нем как о сопернике Ирода Аттика, но он был еврей и погиб лет за десять до того времени, к которому относится наш рассказ, – погиб во цвете лет, оплакиваемый всей Иудеей.

Мы уже знакомы с двумя членами его семьи – с его вдовой и сыном. У него еще осталась дочь – та самая девушка, которую мы застали напевающей своему брату песенку.

Ее звали Тирсой, и она сильно походила на брата. Те же правильные черты лица, и та же прелесть детского выражения лица. Сорочка, застегнутая на правом плече и свободно спадавшая на грудь и спину, проходила под левое плечо, оставляя обнаженными шею и руки. Прическа ее была проста и изящна, она носила кольца и серьги, браслеты из чистого золота и золотое ожерелье, изящно украшенное сетью тонких цепочек с привесками из жемчуга. Углы ее век, как и концы пальцев, были подкрашены. Нельзя было отказать ей ни в грации, ни в изяществе, ни в красоте.

– Очаровательно, Тирса, очаровательно! – восторженно воскликнул Иуда.

– Моя песня? – спросила она.

– И ты, и твоя песня. В ней что-то греческое! Где ты выучила ее?

– Ты помнишь грека, певшего в театре месяц назад? Говорят, что он был певцом при дворе Ирода и его сестры Саломеи. Он вышел к публике вслед за борцами, когда в театре еще

раздавался страшный шум. При первом же звуке его голоса все стихло, и я могла разобрать каждое слово.

– Но он пел по-гречески.

– А я по-еврейски.

– Вот как!.. Ты – моя гордость. Нет ли у тебя другой такой же прелестной песенки?

– Есть много, но об этом потом. Амра послала меня сказать тебе, что она скоро принесет тебе завтрак. Она думает, что ты болен, что вчера с тобой приключилось какое-то большое несчастье. Что с тобой, скажи мне, и я помогу Амре лечить тебя. Она знает египетские лекарства, но они бессмысленны. У меня же есть множество арабских рецептов, которые...

– Еще бессмысленнее египетских, – сказал Иуда, качая головой.

– Ты думаешь? Ну хорошо, – продолжала она, нимало не смущаясь, – в таком случае оставим их в стороне. У меня есть нечто получше и повернее – амулет, очень давно данный персидским магом кому-то из наших предков. Посмотри, и надпись на нем почти стерта.

Она подала ему сережку. Он взял ее, осмотрел и, смеясь, возвратил обратно.

– И умирая, Тирса, я бы не воспользовался ею. Это – реликвия язычников, запрещенная всем сынам и дочерям Авраама. Возьми ее и не носи больше.

– Запрещенная? О нет, – возразила она. – Мать нашего отца носила ее всю жизнь, даже по субботам, и излечила ею множество народа... Она одобрена, посмотри, вот и печать нашего раввина.

– Я не верю в амулеты.

Она удивленно взглянула на него.

– Что сказала бы на это Амра!

– Отец и мать Амры возделывали свой сад на берегу Нила.

Тирса с сомнением смотрела на сергу.

– Так что же мне с ней делать?

– Носи ее, сестренка, она тебе идет, хотя ты и без нее прекрасна.

Довольная, она снова вдела ее в ухо, в то время как Амра вошла в комнату с рукомойником и полотенцем.

Иуда не был фарисеем, и потому омовение его было быстро и просто. Затем Амра удалилась, и Тирса принялась за прическу брата. Когда ей удавалось изящно расчесать локон, она заставляла брата любоваться им в маленькое металлическое зеркало, которое, по обычаю всех красавиц страны, носила на поясе. Тем временем они вели следующий разговор.

– Знаешь ли, Тирса, я уезжаю.

У нее от удивления опустились руки.

– Уезжаешь?.. Куда? Когда? Зачем?

Он засмеялся.

– Сразу три вопроса! Какая ты чудная.

Но затем прибавил серьезно:

– Ты знаешь, закон требует, чтобы я избрал какой-нибудь род занятий. Покойный отец служит мне примером. И даже ты презирала бы меня, если бы я праздно расточал плоды его трудов. Я уеду в Рим.

– И я с тобой!

– Ты должна остаться с матерью. Она умрет, если мы оба оставим ее.

Радость исчезла с ее лица.

– Да, да! Но зачем тебе ехать? Если ты хочешь быть купцом, то можешь научиться этому делу и здесь, в Иерусалиме.

– Но я не думаю быть купцом. Закон не обязывает сына наследовать занятие отца.

– Кем же ты хочешь быть?

– Солдатом, – отвечал он, и в голосе его звучала гордость.

На глазах Тирсы появились слезы.

– Тебя убьют.

– Если такова будет воля Бога. Но, Тирса, не всех солдат убивают.

Она обвила его шею руками, как бы желая удержать его.

– Мы так счастливы, мой брат, оставайся дома!

– Дом не всегда будет таким, каков он теперь. Ты сама скоро оставишь его.

– Никогда.

Он улыбнулся ее серьезному тону.

– Скоро явится какой-нибудь иудейский князь, возьмет мою Тирсу и увезет ее к себе. И будешь ты радостью другого дома. Что будет тогда со мной?

Она отвечала рыданиями.

– Война – это ремесло, – продолжал он опять серьезно, – и чтобы научиться ему, нужно пройти школу, а нет школы лучше римского лагеря.

– Ты не будешь воевать за Рим? – спросила она, сдерживая дыхание.

– И даже ты ненавидишь его! Весь мир ненавидит его. И в этом, Тирса, ищи смысл моего ответа: да, я буду воевать за него, если взамен он научит меня, как воевать против него.

– Когда же ты едешь?

Послышались шаги Амры.

– Тише, – сказал он, – не говори ей ничего об этом.

Верная служанка вошла с завтраком и поставила поднос перед юношей, затем с белой салфеткой на руке осталась служить. Они омочили пальцы в чаше с водой и вытерли их, когда их внимание привлек шум. То была военная музыка, раздававшаяся на улице с северной стороны дома.

– Солдаты из преториума (дворец наместника). Нужно посмотреть на них! – воскликнул Иуда, вскакивая с дивана.

Минуту спустя он уже стоял, упиравшись грудью в парапет из черепицы, и так увлекся, что не замечал Тирсу, стоявшую с ним рядом и державшую руку на его плече.

Крыша дома Гуров возвышалась над крышами остальных домов, и с нее можно было видеть все пространство вплоть до башни Антония, о которой мы уже упоминали как о цитадели для гарнизона и главной военной квартире правителя. Улицы начали наполняться людьми, привлекаемыми музыкой. Мы употребили слово «музыка», хотя оно далеко не выражает рева труб и грохота литавр.

Вскоре с крыш можно было рассмотреть все шествие. Впереди рядами и шеренгами выступал авангард легкой пехоты – преимущественно прашники и стрелки. За ними следовал отряд тяжелой инфантерии с массивными щитами и пиками, вполне соответствующими тем, которые употреблялись героями «Илиады». Затем шли музыканты, а за ними отдельно от других ехал офицер, окруженный стражей кавалеристов.

Темный цвет кожи солдат, мерные движения щитов справа налево, блеск тщательно вычищенных пряжек, лат, шлемов, развевающиеся знамена и перья султанов, блестящие концы копий, уверенный шаг солдат, их воинственная осанка, машинообразное единство движущейся массы – все это произвело на Иуду потрясающее впечатление. Особенно обратил на себя внимание юноши орел легиона, вызолоченное изображение которого помещалось на высоком древке. Он знал, что этот орел встречался с божескими почестями, когда выносился из башни.

Посреди колонны ехал офицер с непокрытой головой, хотя и в полном вооружении. Слева у него был короткий меч, в руке – жезл. Кусок пурпурного сукна заменял ему седло, уздечка была с золотыми удилами и шелковыми поводьями, украшенными бахромой.

Иуда давно заметил, что появление этого офицера вызывало в народе сильные взрывы гнева. Одни выступали вперед и грозили ему кулаками, другие сопровождали его громкими криками и плевали в него, когда он проезжал под мостами. Женщины даже бросали в него

сандалиями и при том не раз попадали. Можно было разобрать и крики: «Грабитель, тиран, римская собака! Прочь Измаила, дай нам Анну».

При приближении офицера Иуда мог рассмотреть, что тот был не так равнодушен, как его солдаты. Лицо его было мрачно и злобно, и взоры, бросаемые им на обидчиков, были полны угроз.

Юноша слышал об обычае, существовавшем со времен первого кесаря, в силу которого начальники являлись перед народом в лавровом венке на непокрытой голове. По этому признаку он узнал в офицере прокуратора Иудеи Валерия Грата.

По правде сказать, несмотря на бурю вражды, вызванную римлянином, симпатия юноши была на его стороне, и когда прокуратор поравнялся с углом дома, Иуда, чтобы лучше его рассмотреть, перевесился через парапет и при этом уперся рукой о черепицу. Давление было настолько сильно, что черепица сорвалась с места и покатилась. Дрожь испуга пробежала по телу юноши. Он наклонился, чтобы ухватить ее – при этом казалось, будто он что-то бросает. Старание его не только не имело успеха, но наоборот – черепица сильнее скользнула по крыше и со всей силой полетела вниз. Солдаты охраны взглянули вверх, взглянул вверх и их начальник, но в этот момент черепица ударила его, и он упал с лошади.

Процессия остановилась: телохранители сошли с лошадей и поспешили щитами прикрыть своего начальника. Народ же, нимало не сомневаясь, что удар был нанесен преднамеренно, рукоплескал юноше, который стоял у парапета, пораженный ужасом как от случившегося, так и от последствий, которых ему следовало ожидать.

Злоба мгновенно охватила всех людей, стоявших вдоль улицы и на крышах домов. Они вырывали прожженную солнцем черепицу и в слепом гневном бросали ее в легионеров, стоявших внизу. Началось взаимное побоище. Уменье сражаться, оружие, ловкость и дисциплина, конечно, взяли верх.

Иуда отошел от парапета и бледный, как смерть, воскликнул:

– О Тирса, Тирса! Что будет с нами?!

Она не видела всего случившегося, но поняла, что произошло нечто ужасное. Не зная причины события, она не подозревала и об опасности, грозившей ей или кому-нибудь из ее близких.

– Что случилось? Что все это значит? – спросила она, охваченная внезапным ужасом.

– Я убил римского правителя, черепица попала в него.

Тирса мгновенно побледнела, как будто незримая рука осыпала ее лицо пеплом. Обвинив брата рукой и не говоря ни слова, она внимательно глядела ему в глаза. Его испуг передался ей, но тут же к нему вернулось мужество.

– Я не преднамеренно сделал это, Тирса, это была случайность, – сказал он спокойнее.

Он видел усиливающийся беспорядок на улицах и крышах домов и припомнил злобный взгляд Грата. Если он жив, то на чем остановится его месть? А если он убит, то до чего могут дойти легионеры под влиянием неистовства народа? Как бы ища ответа на эти вопросы, он опять перевесился через парапет в ту минуту, когда охранники помогали римлянину снова сесть на лошадь.

– Он жив, он жив, Тирса! Да будет благословен Бог наших отцов!

При этом восклицании он отклонился от парапета и сказал ей:

– Не бойся, Тирса! Я объясню, как все это произошло, и они, помня нашего отца и его заслуги, не повредят нам.

Иуда повел сестру в беседку, но в это время внизу под ними раздались голоса, треск стен и крики удивления и ужаса. Он остановился и стал прислушиваться.

Крики повторились, затем последовал шум множества шагов и смесь гневных криков с возгласами мольбы. Солдаты ворвались, очевидно, в северные ворота и овладели домом.

Юноша почувствовал неизъяснимый страх при мысли, что его схватят, и первым импульсом его было бежать. Но куда? Имей он крылья, он мог бы улететь, и это было единственным средством спастись.

Тирса, обезумевшая от страха, схватила его за руку.

– О Иуда, что все это значит?

Избивают слуг, а его мать? Не раздастся ли среди голосов и ее голос? Сделав над собой усилие, он сказал сестре:

– Стой здесь и жди меня, Тирса. Я пойду вниз и посмотрю, что с матерью.

Она заметила волнение в его голосе и теснее прижалась к нему. Теперь ему ясно слышались пронзительные крики матери, и он более не колебался.

– Пойдем! – сказал он.

Терраса галереи была полна солдат, которые с обнаженными мечами вбегали и выбегали из комнат. В одном месте группа женщин на коленях молила о пощаде, другая женщина в разодранной одежде и с распущенными волосами, падавшими на ее лицо, старалась вырваться от человека, силившегося удержать ее во что бы то ни стало. Ее крики были пронзительнее всех остальных и ясно долетали до кровли, несмотря на окружающий шум и гвалт.

К ней-то и бросился Иуда. «Мать! О моя мать!» – кричал он. Она протянула к нему руки, но в ту минуту, как он уже коснулся их, его схватили и оттащили от нее, при этом кто-то внятно и громко сказал:

– Это он!

Иуда взглянул на говорящего и узнал Мессалу.

– Этот, что ли, убийца? – спросил мужчина в прекрасной одежде легионера. – Да он еще совсем мальчик!

– Боги! – возразил Мессала, не забывая и тут растягивать слова. – Новейшая философия! Что сказал бы Сенека, услышав, что человеку необходимо быть старым, чтобы ненавидеть и убивать. Это он, берите же его. Вот его мать, а там – сестра. В ваших руках теперь вся семья.

Сила любви к родным заставила Иуду забыть недавнюю ссору.

– Помоги им, о мой Мессала! Вспомни наше детство и помоги им. Я умоляю тебя.

Мессала сделал вид, что не слышит этих слов, и, обратившись к офицеру, сказал:

– Я более не могу быть вам полезен. На улице интереснее. Прочь Амур, да здравствует Марс!

С последними словами он исчез. Иуда понял его и с горечью в душе молил небо:

– В час возмездия, о Боже, да не останется он безнаказанным.

Сделав над собой усилие, он приблизился к офицеру.

– О господин, – сказал он, – эта женщина, вопли которой вы слышите, моя мать. Пощадите ее, пощадите и мою сестру. Бог справедлив, Он воздаст вам милосердием за милосердие.

Человек, по-видимому, был тронут словами юноши.

– Отведите женщин в башню, – приказал он, – но не причиняйте им ни малейшего зла. Вы ответите мне за них.

Затем, обратившись к людям, державшим Иуду, он сказал:

– Принесите веревку, свяжите ему руки и тащите на улицу. Наказание еще ожидает его.

Мать увели. Маленькая Тирса, одетая по-домашнему и оцепеневшая от ужаса, пассивно следовала за стражей. Иуда, послав каждой из них по прощальному взору, закрыл лицо руками, как бы желая удержать в памяти весь ужас этой сцены. Может быть, он и плакал, но никто не видел на его лице слез.

Затем в нем произошло то, что может быть названо чудом жизни. Наблюдательный читатель, вероятно, уже заметил, что юноша был мягок и женственно нежен – обыкновенное свойство любящих и любимых. Условия, в которых он жил, не пробуждали черствых сторон его натуры, если даже они и были у него. По временам в нем проявлялось самолюбие, подобно

бесформенным грезам ребенка, блуждающего по берегу реки и следящего за мелькающими там и сям кораблями. Но теперь... Только кумир, чувствовавший воздаваемые ему почести и мгновенно поверженный в прах развалин всего того, что он любил, может помочь нам составить себе понятие об ощущениях Бен-Гура и о происшедшей в нем перемене. Ничто не выдавало этого переворота, и только когда он приподнял голову и протянул руки людям, принесшим веревки, чтобы связать их, изгибы краев его губ, напоминавшие лук Купидона, навсегда сгладились на его лице. Ребенок мгновенно стал мужем.

На дворе раздался звук трубы, и галерея очистилась от солдат. Многие из них, не смея встать в ряды с награбленными ими вещами, бросили их на пол, который оказался весь усыпан драгоценностями.

С появлением Иуды войска уже стояли на местах, и начальник ожидал только исполнения своего последнего приказа. Мать и дочь были выведены в северные ворота, дорогу к которым загромождали развалины. Вопли слуг, многие из которых родились в этом доме, были ужасны.

Когда же мимо Иуды провели лошадей и весь скот, он понял, какую месть готовил прокуратор. Их дом был осужден. Ничто живое не должно было оставаться в нем, и если бы в Иудее нашлись безумцы, готовые поднять руку на римского начальника, участь княжеского дома Бен-Гуров должна была служить им предостережением, ибо развалины его оставались памятником всего происшедшего.

На улице беспорядок почти прекратился, и только вздымавшиеся столбы пыли над крышами некоторых домов указывали на те места, где борьба еще продолжалась. Большая часть когорты отдыхала, сохраняя и порядок, и прежний блеск. Иуда, забыв о себе, глядел только на пленников, в числе которых взор его тщетно искал мать и сестру.

Вдруг одна женщина, поднявшись с земли, кинулась к воротам. Стража бросилась, чтобы схватить ее, но взрыв смеха встретил их неудачу. Она подбежала к Иуде и, упав на колени, прильнула к его ногам.

– О Амра, добрая Амра, – сказал он, – да поможет тебе Бог, а я уже не в силах помочь тебе.

Она не могла произнести ни слова. Он нагнулся к ней и прошептал:

– Живи, Амра, для Тирсы и для моей матери. Они вернутся и...

Солдат оттащил ее, но она вырвалась и побежала во двор дома.

– Оставьте ее, – закричал начальник. – Мы запечатаем дом, и она там сдохнет.

Люди принялись за работу и наглухо заделали все ворота. Дворец Гуров стал могилой. Вслед за тем когорта удалилась к башне, где прокуратор остался, чтобы оправиться от ран и разместить пленных. Через десять дней он снова посетил рыночную площадь.

Сцена у колодца

На опечатанном доме Гуров было прибито объявление, гласившее на латинском языке: «Этот дом – собственность императора».

А через день декурион (член городского совета (курии)) с командой, состоявшей из десяти всадников, приближался к Назарету с юга, то есть со стороны Иерусалима. Это местечко было в то время деревенькой на склоне скалы, и единственная ее улица была не более как тропинка, протоптанная проходившим домашним скотом. Великая Ездраелонская долина примыкала к ней с юга, а с западных высот открывался вид на берега Средиземного моря и область по ту сторону Иордана и Ермона. Вся долина и склоны были в садах, виноградниках, фруктовых деревьях и пастбищах. Группы пальм придавали картине восточный характер. Дома, крайне бедные на вид, были квадратные, одноэтажные, с плоскими крышами, покрытые зеленью виноградников. Засухи, палившие безжизненные холмы Иудеи, останавливались на рубеже Галилеи.

Звук трубы при вступлении в деревню кавалькады произвел на ее жителей магическое действие. Все двери и ворота распахнулись, и люди высыпали на улицу, желая поскорее узнать причину столь необычного посещения.

Так как Назарет был не только в стороне от большой дороги, но и вне пределов Гамалы, то нетрудно вообразить, какое впечатление произвели на его жителей legionеры. Когда они проходили по улице, то стало ясно, что они конвоируют арестанта. Страх и ненависть сменились любопытством, и народ последовал за ними, зная, что они должны сделать привал у колодца. Арестант, конвоируемый всадниками, стал предметом всеобщего внимания. Он шел пешком, с непокрытой головой, полуголый, с вывернутыми назад руками. Связывавшая его веревка была прикреплена к шее одной из лошадей. Пыль, вздымаемая лошадьми, окружала его облаком и оседала на нем густым слоем. Измученный донельзя, прихрамывая, он едва переставлял ноги. Жители Назарета рассмотрели, что он очень молод. У колодца декурион остановился и сошел с лошади, как и большинство конвойных. Арестант присел тут же на пыльной дороге, безучастный ко всему. Видя, что он совсем ребенок, жители готовы были помочь ему, но не смели.

В то время как они стояли в нерешительности и кувшины переходили от одного солдата к другому, показался человек, идущий по дороге от Сепфориса. При виде его одна из женщин воскликнула:

– Смотрите, вон идет плотник. Теперь мы кое-что разузнаем.

Тот, кого она назвала плотником, был человеком очень почтенной наружности. Белые кудри виднелись из-под его широкого тюрбана, а еще более седая борода спускалась на его старую грубую одежду. Он шел медленно, и не только потому, что был стар, но и из-за пыли, топора и рубанка, тяжелых и массивных орудий. По-видимому, он шел издалека.

Приблизившись к толпе, он остановился.

– О рабби, добрый рабби Иосиф! – закричала женщина, направляясь к нему. – Вот арестант. Расспроси у солдат, кто он, куда его ведут и за что.

Выражение лица рабби оставалось сосредоточенным. Он взглянул на арестанта и направился к офицеру.

– Мир Божий да будет с тобой! – сказал он важно.

– А с тобой мир богов, – ответил декурион.

– Твой арестант очень молод. Позволь узнать, в чем состоит его вина?

– Он убийца.

Измученная толпа повторяла слово «убийца», но Иосиф продолжал свои расспросы.

– Он сын Израиля?

– Да.

Поколебленное сочувствие снова вернулось к присутствующим.

– Я ничего не знаю о его племени, но могу сообщить тебе о его семье, – продолжал римлянин. – Ты, может быть, слышал о Бен-Гуре, князе Иерусалимском. Он жил во времена Ирода.

– Я видел его, – отвечал Иосиф.

– Ну так этот арестант – его сын.

Со всех сторон послышались восклицания, и декурион поспешил положить им конец, заметив:

– Третьего дня он едва не убил на улице Иерусалима благородного Грата, бросив в него черепицей с крыши двorca своего родителя.

Воцарилось молчание, в продолжение которого назареяне смотрели на молодого Бен-Гура, как на дикое животное.

– И он убил его? – спросил рабби.

– Нет.

– Но он осужден?

– Пожизненно.

– Да поможет ему Бог! – воскликнул Иосиф, мгновенно выходя из своего обычного спокойствия.

В это время юноша, стоявший незамеченным позади Иосифа, направился к большому камню у колодца и взял стоявший на нем кувшин с водой. Он сделал это так спокойно, что прежде, чем конвой мог бы помешать ему, он уже стоял возле арестанта, предлагая ему напиться. Он ласково положил свою руку на плечо Иуды, и тот, подняв глаза, увидел лицо, которое навсегда запечатлелось в его сердце. Перед ним стоял юноша приблизительно одних с ним лет. Лицо его обрамляли каштановые кудри и осеняли темно-голубые глаза, полные такой нежности, призыва, сострадания, любви и святой чистоты, что они проливали в душу отраду и совершенно покоряли ее. Иуда, ожесточенный страданиями последних дней и ночей и смотревший мрачно на весь мир, питая только злобу и жажду мести, почувствовал, что под этим чудным взглядом душа его становится мягче, делаясь как бы душой ребенка. Он прильнул устами к кувшину и жадно, долго пил. Между ними не было произнесено ни слова.

Когда Иуда закончил пить, юноша перенес руку, прежде лежавшую на плече арестанта, на его страдальческую голову и держал ее некоторое время на пыльных волосах, как бы благословляя, затем отнес кувшин на прежнее место и, взяв топор, вернулся к рабби Иосифу. Присутствующие, не исключая и декуриона, не спускали с него глаз.

Такова была сцена у колодца. Когда люди и лошади утолили жажду, отряд снова пустился в путь. Настроение декуриона было уже иное: он самолично помог арестанту подняться с земли и усадил его на лошадь позади одного из конвойных. Назареяне разошлись по домам, а вместе с ними ушел и Иосиф со своим учеником.

Такова была встреча Иуды с сыном Марии, и так они впервые расстались.

Часть 3. Квинт Аррий

От города Мизенума получил название и мыс, находящийся в нескольких милях к юго-западу от Неаполя. От него в настоящее время остались одни развалины, но в 24-м году по Р. Х., – а к этому времени и относится наш рассказ, – это место было одним из важнейших по всему западному побережью Италии. Путешественник, если бы пожелал в вышеупомянутом году, взойдя на стену и став спиной к городу, полюбоваться открывавшимся с этого мыса видом, увидел бы перед собой Неаполитанский залив, столь же прелестный тогда, как и теперь. Те же чудные берега, тот же дымящийся конус, та же мягкая синева неба и волн, с Искией вблизи и Капрерой вдали. Перенося свой взор с первой на вторую, он не мог бы оторваться от этой картины. Наконец, утомленный избытком очаровывающих впечатлений, он увидел бы нечто, дополнявшее в то время картину и чего теперь уже нет: римский резервный флот, стоящий на якоре в гавани.

Таким образом, Мизенум было местом, вполне достойным того, чтобы три властелина, встретившись здесь, пожелали поделить между собой вселенную.

В то время в стене у моря проделаны были ворота, составлявшие пролет улицы, которая в форме широкого вала выдавалась в самое море.

Одним прохладным сентябрьским утром часовой, стоявший на стене над воротами, был выведен из дремоты шумным разговором нескольких людей, спускавшихся по улице. Он взглянул на них и снова задремал. Это были двадцать или тридцать человек, из которых большинство составляли рабы, шедшие со слабо горевшими, но сильно дымившими факелами, наполнявшими воздух ароматом индийского нарда (пахучее растение из семейства колосистых). Господа шли впереди рука об руку. Один из них, лет пятидесяти, лысый, в лавровом венке, судя по оказываемому ему вниманию, был главным героем этой дружеской церемонии. На всех были белые шерстяные тоги с пурпурной обшивкой. Часовой с первого взгляда понял, что это очень высокопоставленные люди, после ночного пира провожавшие друга на корабль. Дальнейшие подробности мы узнаем, если обратим внимание на их разговор.

– Нет, мой Квинт, – говорил один из них, обращаясь к человеку в лавровом венке, – Фортуна поступает зло, так скоро лишая нас тебя, ведь ты только вчера вернулся с моря по ту сторону Гибралтара и даже не успел обеими ногами ступить на землю.

– Клянусь Кастором, если только мужчине дозволяется бабья клятва, – вмешался другой, несколько пьяный, – не стоит жаловаться на судьбу. Наш Квинт отправляется отыгрывать то, что он потерял за последнюю ночь. Кости на корабле, распутившем паруса, не кости на суше. Как ты думаешь, Квинт?

– Не клеветайте на Фортуну, – воскликнул третий, – она ни слепа, ни обманчива. В Антиуме она ему улыбается, а на море руководит его рулем. Она забирает его у нас, но разве не возвращает его каждый раз с новой победой?

– Греки забирают его у нас, – вставил свое слово четвертый, – будем обвинять их, а не богов. Отдавшись торговле, они разучились воевать.

С этими словами компания проходит в ворота, вступает на мыс, и бухта при утреннем свете предстает перед ними во всей своей красоте. Для старого моряка блеск волн подобен любовному привету. Он полной грудью вдыхает в себя морской воздух, как будто он для него благоуханнее нарда, и, освобождая свою руку, восклицает:

– Дары ожидают меня в Пренесте, а не в Антиуме, и глядите: ветер дует с запада. Благодарю тебя, Фортуна, бывшая всегда для меня матерью!

Друзья повторяют его восклицание, а рабы машут факелами.

– Вон она плывет, – продолжает он, указывая на приближающуюся галеру. – И к чему моряку другая любовница? Разве твоя Лукреция, Кай, грациознее ее?

Он с гордостью смотрит на приближающийся корабль, белый парус которого прикреплен к нижней мачте, а весла с замечательной правильностью то поднимаются в воздух, то снова опускаются в лоно вод.

– Да хранят нас боги, – замечает он серьезно, не отводя глаз от галеры. – Они посылают нам благоприятный случай, и наша вина, если мы не сумеем им воспользоваться. Что касается греков, то ты забываешь, что пираты, наказывать которых я отправляюсь, – тоже греки, и одна победа над ними стоит ста побед над африканцами.

– Значит, ты направляешься в Эгину?

Глаза моряка были всецело обращены на галеру.

– Сколько грации, и какой свободный полет! Даже птица не сумела бы так легко рассекать своими крыльями воздух. Смотри!

Но, немедленно спохватившись, он заметил:

– Извини, Лентул. Да, я отправляюсь в Эгину, и час моего отъезда так близок, что я сообщу тебе мою задачу, только храни ее в тайне. Я не желал бы, чтобы ты говорил о ней при встрече с дуумвиром (один из двух высших должностных лиц в римской колонии), так как мы с ним большие друзья. Торговля Греции с Александрией, как вы, может быть, слышали, едва уступает торговле Александрии с Римом. Народ в этой части света забыл праздновать Триптолем (праздник в честь древнего земледельческого божества, олицетворяющего тройную вспашку земли) и жестоко оплатит им. Во всяком случае, торговля эта так обширна, что не терпит ни малейшего перерыва. И вы, может быть, слышали о донельзя смелых херсонесских пиратах, свивших себе гнездо на Понте Евксинском! Вчера в Риме получено известие, что они спустились по Босфору, потопили византийские и халкедонские галеры, разграбили Пропонтиду и, не довольствуясь всем этим, вторглись в Эгейское море. Торговцы хлебом, корабли которых в восточной части Средиземного моря, испугавшись, просили аудиенции у императора, и сегодня из Раввены отправляется сотня галер и из Мизенума... – он остановился, как бы подстрекая любопытство друзей, и закончил не без эффектности, одна!

– Счастливый Квинт! Поздравляем тебя!

– Это избрание предвещает твое повышение. Мы приветствуем тебя как дуумвира, не менее.

– Квинт Аррий, дуумвир, звучит лучше, чем Квинт Аррий, трибун.

Так Аррия осыпали поздравлениями его приятели.

– Я вполне доволен всем, – сказал один из них, – но предпочитаю поступать как деловой человек, и прежде чем решать, добро или зло имели в виду боги, посылая тебе это назначение, я узнаю, какая кость выпадет тебе в этой игре.

– Благодарю, тысячу раз благодарю, – сказал Аррий, обращаясь ко всем. – Будь у вас светильники, я бы сказал, что вы авгуры (римские жрецы, толковавшие волю богов). Но я пойду дальше в своей откровенности и докажу вам, какие вы мастера угадывать. Возьмите и читайте.

Он вытащил из-под складок тоги бумажный сверток и передал его им, говоря: «Это получено от Сеяна во время нашего последнего ночного пира».

Имя это в римском мире в то время пользовалось громкой славой, но не той позорной славой, какую оно приобрело впоследствии:

– Сеян?! – воскликнули они в один голос, принимаясь за чтение бумаги:

«Рим. XIX сент.

Сеян к Цецилию Руфу, дуумвиру.

Кесарь имеет хорошие сведения о Квинте Аррии, трибуне, в особенности же о его заслугах на западных морях, и потому переводит его немедленно на Восток. Такова далее наша императорская воля: «Чтобы сто первоклассных, вполне снабженных кораблей были посланы без промедления против пиратов, появившихся в Эгейском море, и чтобы Квинт был назначен их начальником.

Дальнейшие подробности приказа предоставляю для приведения в исполнение тебе, Цецилий».

Необходимость отправки не допускает отлагательства, и потому поручаю тебе прилагаемый приказ сообщить вышеупомянутому Квинту.
Сеян».

Аррий не обращал внимания на чтение. Чем ближе был корабль, тем с большим энтузиазмом он смотрел на него. Наконец, приподняв опущенные края тоги, он начал махать ими, в ответ на корме взвился пурпурный флаг, а на фальшборте (продолжение бортовой обшивки судна выше верхней палубы) появилось несколько матросов, которые, взобравшись по канатам на реи, свертывали паруса. Нос корабля обозначил курс, весла задвигались быстрее, и галера понеслась прямо в том направлении, где стояли Аррий и его друзья. Аррий во все глаза следил за этими маневрами, так как верность направления руля и стойкость хода корабля были особенно важны для боевого судна.

– Клянусь нимфами! – воскликнул один из друзей, возвращая сверток. – Мы не можем более говорить, что наш друг будет велик – он уже велик, и любовь наша встретит обильную пищу в его великих делах. Что нового имеется у тебя для нас?

– Более ничего, – отвечал Аррий. – То, что нам известно как новость об этом деле, уже давно не новость в Риме, особенно между дворцом и форумом. Дуумвир скрытен: что мне предстоит делать, где встретить флот, я узнаю на корабле, там меня ждет запечатанный пакет. Если же вы думаете сегодня сделать приношение богам, то молитесь им о друге, плывущем по направлению к Сицилии. Но вот галера уже пристает, – сказал он, снова обратив внимание на корабль. – Меня интересуют ее матросы, ведь я буду вместе с ними плавать и сражаться. Нелегко управлять таким кораблем!

– Разве этот корабль незнаком тебе?

– Я вижу его в первый раз и не знаю, есть ли на нем хоть один знакомый человек.

– Хорошо ли это?

– Не беда... На море мы быстро узнаем друг друга. Любовь, как и вражда, родится при опасности.

Корабль был длинный, узкий, глубоко сидящий в воде и приспособленный для быстрых и внезапных маневров. Постройка его была замечательно хороша. При приближении его брызгами обдало весь нос корабля, красивым изгибом возвышавшийся над статуей в двойную величину человеческого роста. На боковых изгибах были фигуры тритонов, дующих в раковины. Ниже носа находился гребень с девизом из прочного дерева, украшенный и окованный железом, служащий в битвах тараном.

Крепкая решетка из-под носа тянулась во всю длину боков корабля, выделяя хорошо зазубренные фальшборты. Под решеткой в три ряда находились отверстия, защищенные щитом, в которые вставлялись весла – шестьдесят с правой стороны и шестьдесят с левой. Два каната перекрещивались у носа, указывая количество якорей, погруженных на дно.

Кроме матросов, обыкновенно суесящихся на реях, но в настоящее время двигавшихся медленно, на моле можно было заметить только одного человека в шлеме, неподвижно стоявшего на носу.

Сто двадцать блестящих от полировки пемзой и непрерывного омовения волной весел дружно подымались и опускались и двигали галеру со скоростью, не уступающей скорости новейших пароходов.

Человек, стоявший на носу, жестом отдал команду, после чего все весла поднялись, держались одно мгновение в воздухе и затем быстро опустились. Вода вспенилась и закипела, галера затряслась и остановилась, как вкопанная. Другой жест – и весла снова поднялись и опустились, и в то же время гребцы, наклонившись к корме справа, гребли вперед, тогда как гребцы слева, наклонившись к носу, гребли назад. После подобного троекратного удара вес-

лами корабль повернулся как бы вокруг оси и затем, подхваченный ветром, плавно поплыл к мысу. В этом положении видна была вся корма с тритонами, такими же, как и на носу, и крупно написанным выпуклыми буквами названием галеры. Сбоку был руль, а на возвышавшейся платформе обрисовывалась статная фигура рулевого в полном вооружении, державшего одну руку на руле. Высокий навес, позолоченный и резной, выдавался над рулевым, подобно громадному лопастному листу.

Во время поворота раздался резкий звук трубы, и из люков появились люди, все в прекрасной одежде, в медных шлемах, с блестящими щитами и копьями. Воины выстроились в боевом порядке. Офицеры и музыканты заняли свои места. Когда весла коснулись мола, с палубы был спущен трап. Трибун обратился к товарищам и важно сказал:

– Теперь, друзья, мне нужно вернуться к своим обязанностям.

Он снял с головы венок и передал его игроку в кости.

– Возьми лавровый венок, о любимец Фортуны! – сказал он. – Если я вернусь, то отыграю мои сестерции, но без победы я не вернусь. Повесь венок в твоём атриуме (место собраний в древнеримском доме).

Он раскрыл объятия товарищам, и они по очереди обняли его.

Затем Аррий махнул рукой рабам, склонившим факелы, и обернулся к ожидавшему его кораблю, красовавшемуся рядами матросов с их шлемами, щитами и копьями. Когда он ступил на трап, трубы заиграли, и на судне взвился флаг начальника флота.

На галере

Трибун, стоя на деке (палуба; пространство между двумя палубами) рулевого с приказом дуумвира в руке, обратился к гортатору (начальник гребцов):

- Какова сила экипажа?
- Гребцов двести пятьдесят два: десять запасных.
- А отдыхающих?
- Восемьдесят четыре человека.
- Через сколько часов смена?
- Через каждые два часа.

Трибун на минуту задумался.

– Это тяжело. Это надо изменить, но не теперь. Гребцы не имеют возможности отдохнуть ни днем, ни ночью.

Затем, обратившись к заведующему парусами, он сказал:

- Сколько лет служишь?
- Тридцать два.
- Преимущественно в каких морях?
- Между нашим Римом и Востоком.
- Такой человек мне и нужен.

Он снова заглянул в свой приказ.

– Пройдя мыс Кампанелла, направить к Мессине. Затем вдоль Калабрийского берега, пока Мелито не останется слева и... Знаешь ли ты путеводные звезды в Ионийском море?

– Да, я знаю их хорошо.

– В таком случае от Мелито курс на восток до Цитеры. Если боги будут благоприятствовать нам, я не брошу якоря до Антемонской бухты. Медлить нельзя. Я полагаюсь на тебя.

Аррий был человеком осторожным. Он был из числа тех людей, которые, обещая алтари в Пренесте и Антиуме, вместе с тем полагают, что расположение слепой судьбы скорее можно снискать заботами и здравой распорядительностью, чем жертвоприношениями и обетами. Хотя он, как виновник пиршества, и провел всю ночь за вином и игрой в кости, но лишь только пахло на него морем, в нем мгновенно воспрянул дух моряка, и он не успокоился до тех пор, пока не узнал свой корабль. У знания нет места случайностям. Начав с гортаторов и переходя к заведующему парусами, кормчему и другим офицерам, Аррий ознакомился со всеми. Когда он обошел весь корабль, то все, относящееся к материальным средствам этой общины, скучившейся в его стенах, стало ему так хорошо известно, как никому. Он нашел, что все приготовления были предусмотрены, так что ему оставалось только ознакомиться с экипажем. Это была самая трудная и щекотливая задача, и он приступил к ней вполне своеобразно.

В полдень этого дня корабль плыл по морю у Пестума. Западный ветер надувал паруса. Была учреждена вахта. На передней части корабля был установлен алтарь, обсыпанный солью и ячменем, после того как трибун вознес молитвы Юпитеру, Нептуну и всем океанидам и с обетами возлил вино и сжег благоухания. Свершив все это, он с воинственным видом уселся в большой каюте.

Нужно заметить, что каюта эта составляла центральное отделение галеры и освещалась тремя широкими люками. Ряд опор шел от одного ее конца до другого, поддерживая крышу, а у центра была видна мачта, унизанная топорами, баграми и дротиками. У каждого люка было по две лестницы, одна справа, другая слева, с приспособлением для их поднятия и опускания. Теперь они были подняты, и помещение имело вид залы, освещаемой люками.

Читатели, вероятно, уже поняли, что эта каюта была главным сборным пунктом всех моряков: их столовой, спальней, гимнастическим залом и местом отдыха – одним словом, она

служила для всего, что во время отдыха разрешалось законами, распределявшими всю жизнь на корабле в заведенном порядке. В самом конце каюты находилась площадка, на которую вело несколько ступеней. На ней помещалось сиденье для начальника гребцов, а перед ним стоял массивный стол, по которому он молотком выбивал гребцам такт. По правую руку от него было место водяных часов, по которым определялось время смен. Над ним на площадке, обнесенной позолоченной решеткой, располагались скромные апартаменты трибуна.

Отсюда, покаясь на мягком кресле, покачиваемом движениями корабля, в военном плаще, наполовину покрывавшем его тунику, и с мечом у пояса Аррий зорко следил за командой, которая всегда чувствовала его близкое присутствие. Взор его критически останавливался на всем, но главным образом на гребцах. На последних более всего, вероятно, остановит свое внимание и читатель, но в то время как последний отнесется к ним с симпатией, Аррий, по свойственной начальникам привычке, следил не за ними как личностями, а за результатами их деятельности, насколько она была полезна для него.

Зрелище само по себе было довольно простое. По бокам каюты, во всю ее длину, тянулись три ряда скамеек, расположенных так, что второй ряд помещался позади и повыше первого, а третий – позади и повыше второго. Чтобы удобнее расположить шестьдесят гребцов, с каждой стороны было устроено по девятнадцать скамеек с промежутком между ними в один ярд, а двадцатая помещалась так, что ее верхнее сиденье было как раз над самым низким сиденьем первой скамьи. При таком размещении каждый гребец свободно действовал, если соразмерял свои движения со взмахами своих товарищей. Такт же был таковым, как и у солдат, идущих мерным шагом при сомкнутых рядах.

Гребцы на первой и второй скамьях сидели, а на третьей, имея более длинные весла, должны были стоять. Весла у ручек были налиты свинцом, а близ точки равновесия висели два гибких язычка, дававших возможность грести против ветра и в то же время требовавших большей ловкости, так как волна в любое время могла захватить невнимательного гребца и сбросить его с места. Каждое место у весла служило также отверстием, через которое гребец, сидевший у него, пользовался необходимым количеством воздуха. Свет падал на них сверху, сквозь решетку, встроенную между деком и фальшбортом. Общение между гребцами не допускалось. Изо дня в день они сидели на своих скамьях, не произнося ни слова, в часы работы они не могли видеть друг друга, а время своего краткого отдыха употребляли на сон и еду. Они никогда не смеялись, и никто не слышал, чтобы кто-нибудь из них пел. И к чему слова, когда вздох или стон вполне выражал то, что каждый из них думал в тиши? Жизнь этих несчастных каторжников протекала, подобно подземному ручью, тихо, в кропотливом труде, стремясь, хотя подчас и безнадежно, вырваться на волю.

В те дни, к которым относится наш рассказ, для пленных всегда была ломовая работа и на стенах крепости, и на улицах, и в подземельях, а флот, как военный, так и коммерческий, был ненасытен. Когда Друил впервые выиграл морскую битву, римляне напрягали свои весла, и слава гребцов не уступала славе флота. Эти скамьи – будущие свидетели превратностей судьбы – прославили политику и храбрость Рима. Здесь были люди почти всех национальностей, большей частью из военнопленных, выбранные за мышечную силу и выносливость. Тут сидел бретонец, напротив него ливиец, позади житель Крыма, далее скиф, галл и фивянин. Римские преступники стояли на одной ступени с галлами, лангобардами, евреями, эфиопами и варварами с берегов Азовского моря. Здесь – афинянин, там – красноволосый дикарь Ирландии, а далее – голубоокие гиганты Кимери.

Труд гребцов не давал возможности развиваться их умственным способностям. Сила размаха, удар, глубина погружения весла и ловкость, когда приходилось грести против ветра, – вот все, что требовалось от них. Чем автоматичнее были их движения, тем они считались совершеннее. Даже осторожность, внушаемая им морем, превращалась скорее в нечто инстинктивное, чем сознательное. Таким образом, результатом продолжительной службы являлось то, что

эти несчастные становились терпеливыми, бездушными, покорными, умственно притупленными существами с сильно развитыми мышцами, жившими немногими, но дорогими воспоминаниями, и в конце концов впадали в то полубессознательное состояние, когда бедствие становится привычкой, а душа отличается невероятной выносливостью.

Час за часом качаясь в своем мягком кресле, трибун смотрел то направо, то налево, мысленно занятый всевозможными предметами, исключая несчастное положение рабов. Их движения, равномерные и совершенно одинаковые как с той, так и с другой стороны, стали совсем монотонными. Он начал развлекаться, рассматривая лица гребцов, причем со свойственным ему критическим отношением он полагал, что если все пойдет надлежащим образом, он наберет из числа пиратов, за которыми он отправлялся, лучших гребцов взамен многих теперешних.

Не было ни малейшей нужды запоминать имена рабов, отправляемых на галеры, как в могилы, и потому их заменили номерами, написанными на той скамье, к которой каждый из них был определен. Зоркий взгляд начальника, переходя от одной скамьи к другой, остановился наконец на номере шестидесятом, который, как уже было сказано, по недостатку места на последней скамье левой стороны помещался на скамье над первым рядом.

Эта скамья была выше уровня платформы, на расстоянии нескольких футов от нее. Свет, падая сверху сквозь решетчатый люк, освещал всю фигуру гребца, сидевшего на этой скамье, — фигуру прямую и голую, как и все остальные, имевшую одеждой только набедренную повязку. Существовали, однако, черты, отличавшие этого человека от остальных. Он был очень молод — лет двадцати, не более. Аррий же считался не только веселым игроком в кости, но и знатоком физической стороны человека и, находясь на суше, обыкновенно посещал гимназии, чтобы полюбоваться знаменитыми атлетами. Он узнал, вероятно, от какого-нибудь профессора, что сила зависит как от размеров, так и от качества мускулов, тогда как ловкость отчасти обуславливается сообразительностью. Приняв эту теорию, он, как и большинство людей, имеющих излюбленный конек, при виде человека всегда проверял на нем верность своего взгляда.

В начале каждого движения веслом лицо и фигура гребца были видны с платформы в профиль, при окончании же движения он отклонялся назад с видом, дышавшим энергией. Грация и легкость движения могли навести на мысль, что он недостаточно добросовестно исполняет свою работу, но сомнение скоро исчезало: твердость, с которой он держал весло, прогибание весла при погружении в воду доказывали необычайную силу, соединенную с ловкостью, что и составляло основную идею теории наблюдателя, покоившегося в мягком кресле. Во время своих наблюдений, лишенных малейшего следа нежности, Аррий заметил, что наблюдаемый субъект высок ростом и что руки и ноги его удивительно совершенны. Масса мускулов при некоторых движениях напрягалась и вздувалась, как канаты. Каждый мускул его тела резко обрисовывался, но это была здоровая худощавость, так преувеличенная впоследствии ваятелями. При всем том движения гребца отличались такой гармонией, которая не только подтверждала теорию трибуна, но и вызывала в нем любопытство и величайший интерес.

Вскоре он стал выжидать случая взглянуть в лицо этого человека. Голова его была красивой формы и покоилась на шее, хотя и широкой у основания, но очень гибкой и грациозной. Черты лица в профиль имели восточный тип и отличались той тонкой выразительностью, которая всегда считалась признаком благородной крови и развитого ума.

— Клянусь богами! — сказал он себе, — этот юноша производит на меня сильное впечатление! Он многое обещает. Надо узнать его поближе.

При этом гребец взглянул на него, и ему удалось рассмотреть его лицо.

— Еврей... и мальчик!

Под взором трибуна большие глаза невольника еще более расширились, кровь прилила к лицу, и движение весла приостановилось. Но немедленно раздался гневный удар молотка гортатора. Гребец вздрогнул, отвернулся от наблюдателя и, как будто удар этот был нанесен по

нему, опустил весло. Взглянув снова на трибуна, он был сильно удивлен, встретив ласковую улыбку.

Тем временем галера вошла в Мессинский пролив и, пройдя город того же названия, через некоторое время повернула на восток, оставив за собой обрисовывавшееся на звездном небе облако над Этной.

С тех пор Аррий, возвращаясь на свою платформу в каюте, всякий раз принимался изучать юношу-гребца, повторяя про себя: «Этот юноша умен. Еврей не варвар. Надо узнать его получше».

Номер шестидесятый

По прошествии четырех дней «Астрея» – так называлась галера – плыла по Ионийскому морю. Небо было ясно, и дул попутный ветер, как бы неся с собой покровительство всех богов.

Восточная бухта острова Цитера была назначена местом сбора всего флота, и Аррий, сгорая от нетерпения, проводил много времени на палубе. Он внимательно изучил свой корабль и остался им очень доволен. В каюте, когда он мечтал в своем кресле, мысль его беспрестанно возвращалась к молодому гребцу.

– Знаешь ли ты человека, встающего с той скамьи? – спросил он наконец у гортатора.

В эту минуту происходила смена.

– Номер шестидесятый? – спросил начальник.

– Да.

Начальник внимательно глядел на уходящего юношу.

– Как тебе известно, – ответил он, – кораблю всего месяц, и людей я знаю мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.